

**ОЛЕГ
РОСТИСЛАВ**

ЗАКОН ДАРВИНА

Олег Ростислав
Закон Дарвина

«ЭКСМО»

2013

Ростислав О.

Закон Дарвина / О. Ростислав — «Эксмо», 2013

Первые американские бомбы обрушились на города Казахстана. Более трагическая судьба постигла Поднебесную – китайский народ почти подчистую выкосила «загадочная» Желтая Чума. И только в Россию, проданную и преданную собственным правительством, войска ООН вошли без единого выстрела. Но «бархатная» оккупация вскоре обернулась безжалостным ограблением страны и вывозом миллионов детей в публичные дома Турции и арабских шейхов. А самых подходящих по физическим кондициям «миротворцы», не таясь, пускали на органы. Но именно здесь, на поруганной и многострадальной земле России, зародилось кровавое и беспощадное сопротивление. Русские напрочь перечеркнули столь «заманчивые» планы Соединенных Штатов. Началось самоочищение Европы, да и всего мира от «демократии по-американски», а заодно и от засилья воинствующего ислама...

© Ростислав О., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Ярослав Найменов. Пока еще Казахстан	6
Разные люди. Российская Федерация	10
Ярослав Найменов. Казахстан	15
Разные люди. Российская Федерация	20
Ярослав Найменов. Казахстан	23
Дер. Чистое. Российская Федерация	29
Ярослав Найменов. Казахстан	33
Разные люди. Казахстан	36
Компания РосДератизация. Российская Федерация	37
Ярослав Найменов. Казахстан	46
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Олег Ростислав Закон Дарвина

© Ростислав О., 2013

© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Во внезапно изменившихся условиях выживают не самые сильные.
И даже не самые умные.
Выживают лишь те, кто сумеет быстрее всех приспособиться.*

Ярослав Найменов. Пока еще Казахстан

Существует множество теорий развития мира. Мне нравилась одна, особенно нравилась. Согласно ей, мир развивается по спирали, раз за разом повторяя фактически одни и те же события. Словно мастер-татуировщик, проводя станком по коже, раз за разом наносит на нее рисунок. И чем больше этот рисунок, чем он масштабнее и красивее, тем больше потребуется подходов, краски и труда. Причем даже после этого не факт, что татуировка получится хорошей.

С другой стороны, события и людей трудно сравнить с татуировкой. Какой бы красивой и масштабной она ни была.

Думаю, не стоит рассусоливать.

Начнем с того, что это был хороший денек. Пожалуй. Сейчас уже и не вспомнишь точно. Даже половины того, что было, не вспомнишь, но если честно, кому нужна она, эта половина? Уж тем более из той поры, когда я был мал, глуп, но считал себя большим и умным. Знаете... пожалуй, это ошибка большинства молодых людей, которые вынуждены действовать в одиночку и которым везет. Поневоле начинаешь считать себя самым умным. На более робких начинаешь смотреть как на тихих дурачков, которые упускают свой шанс. На более агрессивных, напористых людей ты смотришь как на показушников, которые лишь привлекают к себе ненужное внимание.

Что же, денек был хороший. Более того, все лето 20** года тоже было достаточно неплохим, как в плане отдыха, так и в плане интересных событий. Казалось, что мы находимся в жерле вулкана, который вот-вот взорвется, но еще «не». Даже несмотря на то, что жил я в таком небогатом на международные события месте, как наш Казахстан, давало и по нам. Гораздо чаще, чем обычно, отключали свет. Гораздо чаще, чем обычно, бывало даже по нескольку раз в день, над тихой Саранью летали самолеты. Непривыкшие к такому зрелищу люди выходили и смотрели на них, как на что-то достойное удивления.

– Самалет-самалет, забери меня в палет! А в палете пуста – выросла капуста! – кричали дети в песочницах вслед улетающим истребителям.

Наверное, несмотря на то, что на них и был направлен основной удар, мне кажется, дети перенесли грядущие события гораздо легче нас. В таком возрасте, как правило, даже видя смерть лицом к лицу, ты не задумываешься над ней, ты не боишься ее. Вспоминается Пол Пот, покоривший Камбоджу такими вот детскими войсками в том числе. Это ужасно и цинично звучит, но разве можно испугать оружием того, кто воспринимает все действие войны как большую игру? Разве можно напугать смертью того, кто *не понимает* смерть?..

Но я продолжу.

Для меня это было отличное лето, которое предстояло догулять. Впереди призывно манил десятый класс, к чему я относился как к неизбежному, но нужному испытанию. Большинство моих друзей разъехались кто куда, заканчивать отдых в различных санаториях или лагерях. Делать мне было нечего, и чаще всего я проводил дни, сидя сиднем дома, читая книги, пялясь в телевизор (или компьютер) и, конечно же, работая на огороде.

Так было и в этот раз. В этот день и в этот вечер.

Лежа на диване, я слушал тишину. Честно, не читал, не думал, просто лежал и слушал, как в уши врывается громогласный, но вместе с тем и тихий писк, буквально пробивающий мозги насквозь. Было скучно. Так долго сидеть без света мы не привыкли. Его вырубали уже раза два-три за эту неделю, что было много. Почему – лично я этого не знал.

Росли цены на самые разные продукты, хотя для нашей семьи это особо заметно не было – мама уже достаточно давно закупалась в магазинах долгохранящимися продуктами. Цены-то

росли, а на зарплату врача много не купишь. Уж лучше сразу запастись – тут я с ней был солидарен.

Именно так я и занимал себя, копаясь в памяти уже сорок с лишком минут. Перевернулся с боку на бок и ощутил, как неприятно отлипает влажная майка от тела – несмотря на то, что света не было и печку мы не топили, все равно было очень душно – в Казахстане летом всегда такая парилка.

Внезапно раздался звук заработавшего холодильника, и в комнате, где я лежал, загорелась люстра. Дали свет.

– Ярик! – мама тут же окликнула меня из своей комнаты. – Не включай пока компьютер!

– Ладно, мам!

Встать с дивана мне пока что было просто лень, дотянувшись до пульта (и все же упав с дивана), я включил телевизор. Врубился какой-то канал, на котором шло увлекательное и интеллектуальное реалити-шоу. Ночной выпуск. В течение нескольких минут я лицезрел, как некое существо третьего пола пытается загипнотизировать камеру. По-видимому, у данного существа не хватало ума или способностей – так или иначе, но камера гипнотизироваться ну никак не хотела.

– Хотите стать зомби? Смотрите реалити-шоу круглыми сутками! – продекламировал я в белоснежный потолок и переключил канал.

Попав в еще большую трясику – это был MTV. Непонятная передача, но явно что-то новомодно-«толерантное» и демократическое.

– Мы приняли своего сына таким, каков он есть! И не будем мешать ему строить его любовь! Мы лишь поможем... – Супружеская пара (весом тонны под полторы) с идиотскими улыбками выбирала своему сыну «новую любовь». Мужского пола. Почему это не делает сам сын – неизвестно.

Больше я не стал рисковать и сразу переключился дальше – благо у нас было спутниковое телевидение и мы могли смотреть передачи без нудной рекламы.

На федеральном новостном канале я наткнулся на новости. Выпуск обещал быть весьма интересным.

– *Жители Крыма окружили запущенную в эксплуатацию систему ПРО. Напомним, что, несмотря на протесты правительства Российской Федерации, США завершили проект ПРО, установив системы противоракетной обороны в Чехии, Польше, Финляндии и Украине, тем самым отрезав для международного терроризма возможность ракетных ударов. С места событий – Аркадий Трошкин.*

На переднем плане появился чернявый низкорослый корреспондент с микрофоном в руке. На заднем плане виднелась орущая толпа и здоровенный плакат «ПРО=ЗЛО».

– *Как вы видите,* – корреспондент махнул рукой назад, указывая на толпу, – *расходиться народ не желает. Насколько мне известно, ПРО хоть и запущена в эксплуатацию, но абсолютно пуста – служащих туда просто не пускают!* – Внезапно камера дернулась и сфокусировалась в совсем другом конце участка, где несколько бритоголовых парней избивали пятерых служащих ПРО. – *По-видимому, это выступление спровоцировано лидерами скинхедов из фашистских организаций, таких, как «Братство Корчиньского» и «Галицкий ку-клус-клан». Спросим об этих событиях участников митинга.*

Корреспондент приблизился к толпе и отозвал в сторону одного из агрессивно орущих мужиков.

– *Скажите, почему вы пошли на этот митинг? Ведь гражданин свободной Украины...*

Очевидно, он ожидал, что «гражданин свободной Украины» будет вещать на чистой украинской мове... я, во всяком случае, не знаю, но мужчина ответил на чистом русском языке:

– *Да что тут говорить! Эти пиндосы уже всех зае... – так как включение было прямым, то цензуры не было, – ...бали своей демократической херней! То, видите ли, мы должны им*

продукты почти задаром отдавать! То их туретчина ручная наших девок лапает! Огороды своими перделками-«Хаммерами» портят! Достали!

– А как вы относитесь к так называемому национал-социалистическому движению, или, проще говоря, к скинхедам?

– Да как отношусь, нормально отношусь... хоть кто-то эту туретчину охаживает!

– Спасибо, у нас мало времени! – Нацепив на лицо фальшивую улыбку, корреспондент отошел от уже успокоившегося мужчины и продолжил вещать в камеру:

– Как мы видим, митинг спровоцирован и головы граждан Украины забиты ложью и предвзятостью. Мы будем следить за событиями. Елена?

– Спасибо, Аркадий! – отозвалась дикторша и тут же перешла на другую новость: – Тем временем в Нидерландах прошел...

Я со вздохом выключил телевизор, ибо смотреть новости дальше не собирался. Сплошь всякое. Мои нервы мне дороги.

– Ма-ам! А теперь-то можно включить комп?

Ответа не было примерно минуту – наверное, мама смотрела на часы.

– Ладно. Включай.

Телевизор сразу же был отключен, и, скидывая с колен вольготно спящую кошку, я ринулся в свою комнату.

– Ярик! Учти, если с компьютером что-нибудь случится, то новый купим не скоро!

– Да знаю я, мам! Чего ты нагнетаешь?

– Ярик, я просто предупреждаю.

На это я уже не обратил внимания и через несколько секунд услышал привычный шум винчестера. Дождавшись загрузки компа, я быстро подключился к Интернету и вошел на Рамблер – посмотреть новости. В принципе, ничего нового: «Блокада ПРО» – эта новость была на первом месте. А чего я хотел?

Если честно, то мне было глубоко все равно, что происходит там, на Украине. Почему? А черт его знает. Наверное, потому, что меня это не касалось. Мне кажется, так думал каждый – ведь пока еще ничего не случилось и был какой-никакой, но все же мир. М-да... Мир. Тем паче тут, в Казахстане... Честно говоря, я был уверен, что нахожусь вдалеке от всех этих разборок и стрельбы. Но не надо забегать вперед, не правда ли?

– Ярослав, ты факультативом занимался?

– Конечно, ма!

– Точно?

– Все сделал. – Я нагло врал, ничего я не учил. Хотя оценки в школе имел хорошие.

– Тогда не сиди допоздна. – Свет в комнате мамы погас, и я подключил к компьютеру наушники.

Я люблю читать. И бывало, что за интересной книгой я часто засиживался до утра... Правда, читал я в основном с компа – купить в моем городе новую книгу было просто невозможно, пришлось бы сделать заказ. А это не столь дорого, сколь ненадежно.

Вот и сейчас я читал очередной фэнтези-роман. Он заинтересовал меня уже одним своим названием. И содержание было очень даже ничего – стрелки на часах буквально летели, а не шли. Прошел час... циферблат показывал 00.22, спать мне еще не хотелось, а вот поесть... Я пошел к холодильнику и сделал себе бутерброд, остроумно названный моим другом «партизанский». Берется толстенный кусок черного хлеба и все припасы, что есть в холодильнике. От каждого припаса по кусочку, с миру по нитке – нищему прибыли.

Вернувшись в свою комнату, я опустил на стул и, положив бутерброд на подстеленную бумажку (коей оказался тест по биологии), снова вперился в монитор.

Но совершенно внезапно от чтения меня отвлек странный гул, доносившийся вроде бы со всех сторон, но в основном сверху. Сначала сквозь наушники я достаточно неясно слышал

его, думая, что это либо голова моя чудит, либо наушники барахлят. Однако потом, минуты через полторы, гул усилился. Откуда-то издали, краем уха, я слышал тихое, как бы волнистое буханье.

Чтобы получше расслышать это, я подошел к окошку. Форточка была открыта, и сквозь противокомарную сетку в комнату входил чистый воздух. Конкретно сейчас я чувствовал в нем... что-то такое... что-то машинное. Я не мог понять, что именно, но это насторожило меня.

И вот свершилось. Полусвистящее гудение молотком ударило по голове, становясь все громче. Краем мозга я уже понял, что это такое, и отпрыгнул назад в комнату. Скорее. Скорее! Скорее!!

БАБАХ!

Осколки окна накрыли мою спину, а что-то со шкафа грохнулось на затылок. Наблюдая круги перед глазами, ощущая слабость в ногах, я понял, что сейчас потеряю сознание. Крик мамы, зовущей меня, был второстепенным. Первое место занимал гул крови в моих ушах.

И наконец, спасительное забытье.

Разные люди. Российская Федерация

Кем можно стать, если ваша фамилия – Ментило?

Смешной вопрос.

Прозвища Ванька в своем родном смоленском поселке не имел. Его просто называли по фамилии. Если бы мальчишка был чуть менее флегматичным, наверное, он бы рано или поздно сел за нанесение побоев и, возможно, убийство, благо к 18 годам Иван вымахал до метра девяноста семи, весил восемьдесят килограммов и уже четыре года занимался боксом. А так... фамилия в сочетании с флегматичностью вели его по жизни – и после двух лет в армии (ДШБ¹, первая чеченская) привели в воронежскую милицию, где к тридцати пяти годам Иван Ментило потихоньку-полегоньку добрался до капитана и подумывал уменьшить число звездочек, но укрупнить их размер, а там – жениться. Что-то он с этим затянул, и родители из поселка писали сыну гневные письма, намекая на внуков и желание «поняничиться».

Но в двадцать восемь лет лейтенанту Ментило попался под руку в дежурке конфискованный кем-то у кого-то потрепанный трехтомник Толкиена...

...Толкиеном заболевают, как правило, в возрасте 12–15 лет, и это остается на всю жизнь. В тусовках ролевиков все друг друга неплохо знают и появление каждого нового человека не остается незамеченным. Поэтому, когда на городской тусовке появился почти двухметровый и уже явно не подростковый... хоббит, общественность несколько затормозила. Кое-кто из еще не вполне проникшихся предлагал вызвать психушку. Но более закаленные толкинутые предложили подождать.

На работе об увлечении Ментило узнали довольно быстро и частенько посмеивались. Но на его служебных функциях это никак не отражалось, и смех так и остался смехом – как было с фамилией. А капитан Ментило в любую свободную минуту перевоплощался в хоббита...

...Тусовки толкинутых – наверное, единственное место, где могут запросто общаться люди, которые в обычной жизни не просто не контактируют, а прямо враждебны друг другу, по крайней мере, должны быть таковыми. Причина проста. В обычной жизни капитан Ментило и владелец адвокатской консультационной фирмы «Консул» Дмитрий Ярцевский (или просто Димон) были природными антагонистами. Но на вольном воронежском воздухе хоббит Фолко и эльф-синдар Талион были как бы даже союзниками. Кстати, внешне худощавый и светловолосый Ярцевский и правда чем-то напоминал эльфа. Мешали только очки, которые, впрочем, Димон носил лишь в конторе.

Кстати, общение продолжалось и в «мирные» будни. Выяснилось, что и Ментило, и Ярцевский любят захаживать в «Хуторок». Капитану нравилось здешнее «живое» пиво, а адвокат был большим поклонником славянской кухни, широкий ассортимент блюд которой предоставлял посетителям ресторанчик.

* * *

– Не будут они защищаться, Димон.

Изящный Ярцевский задумчиво просмаковал коньяк и вернулся к пожарной котлете, аккуратно нарезаая ножом маленькие треугольные кусочки и методично поедая их. Сидевший напротив Ментило хмуро катал в ладонях высокий бокал со степлившимся пивом и мрачно разглядывал свернутую в полоску газету, на которой четко выделялся портрет президента и начало его речи о внешнеполитической ситуации. Наконец он не выдержал:

¹ Десантно-штурмовой батальон.

– Ну и что ты молчишь?

Плечи дорогого пиджака поднялись и опустились. Холодноватые серо-голубые глаза Ярцевского без выражения посмотрели на капитана.

– Я не пойму, что тебя беспокоит.

– Меня ничего, – буркнул Ментило. – А тебя?

– Адвокаты будут нужны при любой власти, – непроницаемо отрезал Ярцевский.

Ментило выругался – так громко, что на него обернулись несколько человек.

– Извините, – сказал капитан и снова обратился к собеседнику: – Не понимаю, – в голосе его прозвучало отчаяние. – Какое-то... какое-то противоестественное, блин, положение. Мы сидим и улетаем котлеты, вот все мы. – Он явно хотел резко махнуть вокруг, но сдержался. – А вот тут... – Палец капитана стукнул по газете. – Вот тут... не понимаю. Ну надо же что-то делать!

– Что? – Ярцевский допил коньяк. – Уйти в леса?

– Но раньше-то... – заикнулся капитан, и адвокат оборвал его:

– Раньше имелись князь Пожарский, светлейший князь Кутузов... Центральный штаб партизанского движения, наконец. Сейчас, как видишь, не заметно даже демонстраций с требованиями раздать оружие. В конце концов, с чего ты взял, будто при власти ООН будет хуже, чем при наших ворюгах?

Толстостенный стакан с коротким звуком разлетелся в пальцах мента. Полилось пиво.

– А как же?.. – Капитан с тихой руганью схватился за салфетки, Ярцевский коротким предупреждающим жестом остановил уборщицу и официанта, одновременно двинувшихся к столику, положил рядом с тарелкой сторублевую купюру.

– Как же – что? – поинтересовался он как ни в чем не бывало.

– Ничего, – отрезал Ментило, изводя новые и новые салфетки. Но потом вдруг поднял голову. – Слушай, а как же Россия? Это что – **просто слово**? Выходит, осталось просто слово? – требовательно и горько спросил он. – А все... ну было же все не так... было же... люди... и вообще... Великая Отечественная... и еще...

Ярцевский аккуратно промакнул губы салфеткой.

– Завезти тебя домой?

* * *

– Ты что, дорогу забыл?

Ярцевский ловко вписал в поворот «Nissan Xterra» цвета серый металлик.

– Нет, все в порядке, – он потер переносицу. – Чертовски надоели очки... Мне просто показалось, что мы не договорили.

– О чем? – Ментило тускло проводил взглядом здание Арсенала; машина вылетела на Чернавский мост.

– О России и вообще... – Ярцевский засмеялся негромко. – Ты что, действительно всерьез говорил об этом – партизанить, все такое прочее... Ради чего? Думаешь, для нас построят концлагеря, как в ту войну?

– Не думаю, – ответил капитан. – Не могу объяснить... Куда мы едем-то, Димон?

– Поговорить кое с кем.

– С кем, о чем? – голос Ментило стал почти враждебным.

– С теми, кто сможет объяснить. – Ярцевский помолчал и задумчиво заметил: – А котлеты, кстати, подорожали...

...На даче Ярцевского, расположенной недалеко от Семилукского лесхоза, Ментило раньше никогда не был. И только глазами проводил ворота, открывшиеся автоматически, в которые вплыл «Nissan Xterra».

Навстречу мужчинам из двери дачи выскочил мальчишка. Ментило удивленно хмыкнул. Жены и законных детей у Ярцевского не было, никаких родственников адвокат на дух не переносил, да и не похож был этот мальчишка на родственника. Да, собственно, и не мальчишка, а уже подросток последней стадии подрастания, если так можно выразиться, – ушастый, шустрый, невысокий, но крепкий, с быстрыми светлыми глазами и одетый в камуфлированную майку, такие же штаны и кеды. Он окликнул:

– Дядь Дим, привезли?! – и осекся: – Здравьсь...

А Ментило настоужился. Очень. Он мог бы дать руку на отсечение, что правая ладонь мальчишки совершила одно весьма нехарактерное для людей его возраста в России движение... но тут же подросток сделал вид, что просто почесал ногу.

– Здравствуй, – кивнул капитан. А Ярцевский сообщил:

– Спокойно, Арт, это свой... Привез, держи и разгружай. – Он кинул мальчишке ключ от багажника. – Там сверху коробки с консервами, их прямо у машины сложи.

Мальчишка деловито кивнул, смерил Ментило внимательным и неприятным взглядом и, что-то насвистывая, деловито направился к машине, потом крикнул: «Эдька!» На крик из гаража, проглядывавшего из-за левого угла дома, выпал еще один объект того же возраста, одетый так же, но чуть повыше, русо-кудрявый, с немного нерусскими чертами лица, и двинулся к машине. А Ярцевский как ни в чем не бывало показал Ментило на высокое полукруглое крыльцо из желтого кирпича:

– Прошу. И еще прошу – ничему сейчас не удивляйся...

...Собственно, капитан и не собирался удивляться. Чему? Он немало видел таких дач изнутри и снаружи – по служебной, правда, необходимости. И сейчас наклонился было разуться в просторном коридоре (что при служебных визитах не делается), но Ярцевский досадливо и не очень понятно сказал:

– Уже не надо, проходи, проходи...

Изнутри – из глубины дома – отчетливо доносились несколько мужских голосов, что-то обсуждавших. Ярцевский целеустремленно двинулся на звук, недоумевающий гость – следом за ним...

...В большой бильярдной на зеленом сукне стола стоял пулемет. Самый обычный «ПКМ» в полуразобранном состоянии.

Его наличие до такой степени приковало в первые секунды внимание капитана, что он даже не сразу обратил внимание на присутствующих в комнате людей, которым, впрочем, на капитана было, кажется, наплевать в высшей степени. Но потом Ментило немного пришел в себя и сориентировался, что в комнате трое, мужики лет по 35–40, причем спорят только двое из них, просто на сильно повышенных тонах. Третий – похожий то ли на братка, то ли на... бандеровца (именно такая ассоциация почему-то возникла у Ментило) коротко стриженный мужик, одетый в расстегнутый на груди камуфляж и берцы, возился с этим самым пулеметом. Со вкусом так возился, тщательно, отключившись от прочего происходящего в помещении.

Двое других выглядели вполне граждански. В хороших костюмах – сером у одного, пониже, светло-зеленом у другого, повыше. Они сидели друг против друга в удобных креслах и... гм... беседовали.

– Есть вещи, которые не доказываются и не проверяются в принципе, – заметно ломая звук «р», говорил Зеленый Костюм, чья личность – глубоко посаженные карие, немного сонные глаза, темные с сединой волосы, небольшой рот, выпуклые скулы – вдруг показалась Ментило странно знакомой, хотя он мог поклясться, что раньше никогда этого человека не видел. – Например, твоя вера в Бога.

– Не моя, ты говоришь так, как будто я ее ношу в кармане, – спокойно парировал Серый Костюм, отпив из чашечки, которую держал в руке, какую-то жидкость, по виду и сильному

запаху – кофе. Спор, очевидно, шел давно, хотя говорили оба громко, но с какой-то ленцой. И тут же все трое, как по команде, уставились на Ярцевского и Ментило.

– И кто это? – поинтересовался Бандеровец.

– Капитан Ментило, – представил хозяин дома и, отойдя к стойке, стал выбирать кий.

– Капитан **кто?** – с непередаваемой интонацией спросил Зеленый Костюм. А Серый просто сказал:

– Добрый день, – и допил кофе.

– Садись, мил-человек, – предложил Бандеровец. И – Ментило ждал этого и не обманулся – добавил: – Выпьем, закусим... о делах наших скорбных покалякаем.

– Иван правда мент. – Ярцевский снял со стола пулемет, чем вызвал гневный взгляд Бандеровца, который нагнулся к пулемету, как к незаслуженно и больно обиженному ребенку.

– Так, и нам надо сделать выводы? – уточнил Серый Костюм. Он смотрел рассеянно-цепко, даже смешно от такого несоответствия, но так и было.

– А я вас знаю, – вдруг вырвалось у Ментило, он кивнул Зеленому Костюму. Капитан и правда вспомнил его. – Вы писатель. Верещаев... Я читал у вас «Кротовую полынь». Хорошая книжка... Верещаев... – Ментило пожал плечами. – Имя не помню, извините. Старинное такое, нерусское.

– Ольгерд, – задумчиво напомнил Верещаев. – Так что же нам с вами делать, капитан Ментило?

– А ничего. – Ярцевский точным ударом кия разбил аккуратный треугольник – три шара брызнули в лузы. – Я, кстати, привез груз, мальчишки его разбирают.

– **ЧТО?!** – взревел Бандеровец, кидаясь к выходу. – Да ты что, Димон, офигоумел?! Кто ж такое дает дитю, там же МОНЫ, ПОМЗы – любимые его, так вас всех, игрушки!!! – и бомбой вылетел наружу.

– Мнээээ... – проявил Верещаев признаки беспокойства. – Вообще-то Эдуард тоже неровно дышит к таким вещам... я, пожалуй, пойду тоже...

– Мы не dospорили, – Серый Костюм поднялся. Мельком представился: – Алексей Пешкалев... Ольгерд, погоди.

– Скорей, а то сейчас нам мало не покажется, – сказал Верещаев, стоявший в дверях. – Они уже пломбы сдирают... Сашка, сзади хватай!!!

«Костюмы» выскочили наружу.

– Ну а мы поговорим. – Ярцевский уверенно щелкнул по шарам снова – в лузу лениво вкатились даже два. Капитан проводил их полубезумным взглядом.

– Послушай, кто вас курирует? – спросил, поднимая глаза от зеленого сукна, Ментило. Взгляд Ярцевского стал неожиданно ехидным.

– В каком смысле? – вкрадчиво поинтересовался он. Капитан пожал плечами:

– Ну... в прямом. Какая спецслужба?

– Ваня, – в голосе Ярцевского смешались жалость и даже толика презрения, – я, конечно, понимаю, что тебе, как государеву человеку, хочется, чтобы нас кто-то курировал. Типа ФСБ или ГРУ. И чтобы сейчас я признался тебе в существовании в недрах нашего государства подпольной группы болеющих душой за страну руководителей разного ранга, которые и... – Ярцевский многозначительно помолчал, потом кивнул. – Так вот, я признаюсь.

– Так кто? – жадно спросил Ментило. Ярцевский нагнулся к нему и театральным шепотом произнес:

– НИКТО.

Потом откинулся на спинку кресла и повторил, глядя в удивленно-недоверчивые глаза милиционера:

– Никто, Ваня, никто. Нет никакой организации патриотов во власти. Ничего подобного просто нет, читай по губам – НЕТ. И **никто** там не собирается защищать Россию. Они ее сдали,

Ваня. Часть структур просто парализована реформами последних лет и полностью дезориентирована – их разгонят и пересажают сразу после ввода ограниченного контингента. Остатки армии просто распустят приказом, оружие и технику они сдадут под ооновскую охрану. Другая часть власти уже подыскивает те зарубежные банки, на счета в которых нужно будет переводить жалованье за службу в колониальной администрации. Золота – партии, царя, Белых Волхвов – тоже нет. Нет охватывающей страну сети ячеек русских патриотов, нет единого центра и единого плана. **Ничего** нет, Ваня. Просто есть кучка людей – и нам хочется пострелять по грядущим оккупантам. По разным причинам. Разочаровал? – Тонкие губы Ярцевского изогнулись в горькой улыбке. – Прости. Так как? Будем говорить дальше – или мое чутье меня подвело и тебя придется пристрелить?

Ментило перевел дух.

– Будем, – твердо отрезал он.

Ярослав Найменов. Казахстан

Очнулся я дома. Хотя по всем законам, как общества, так и морали, уже несколько часов мое брэнное тело должно было бы лежать в больнице, опекаемое штатом белых халатов. Однако даже если бы я этого и желал – подобное желание было бы неисполнимым. Больница, как, впрочем, и весь ее персонал, переехала. На ПМЖ. В место, именуемое «верхней тундрой», «страной вечной охоты». Атеисты, к примеру, в него вообще не верят. Мама, сидевшая со мной рядом с видом «в гроб краше кладут», сказала, что на больницу сбросили бомбу. Бомбу...

Как бы то ни было, остался мой городок без больницы.

Отделению «Скорой помощи» повезло чуть побольше – ничего тревожного оттуда не поступало. Да и не поступит уже. Все врачи, которые остались работать, сплошь по вызывам, напряженность такова, что есть риск заночевать у сердобольного больного. Те же, кому оказалась дорога жизнь, ушли домой, за что их нельзя винить.

Знаете, это очень просто. Винить человека, винить добытчика за то, что он такой плохой или трусливый. Как там у Шолохова в одном из рассказов: «Стыдно мне, тятя, с вами за одним столом есть». Не знаю, когда я читал это, мне до жути хотелось вмазать этой дочке по лбу. Когда за человеком стоит его семья, добыча пропитания для этой самой семьи, обеспечение ее жизни, и прежде всего собственной безопасности, дабы семья могла жить, является уже не просто приоритетной задачей. Это является обязанностью. Семья без главы слабая, семья без главы в форс-мажорных обстоятельствах скорее всего погибнет или распадется. Закон жизни.

Я очнулся. По правде говоря, сказав «очнулся», я очень сильно преувеличил факты, ибо пришел в себя только формально. Осознать, что я – это собственно я, мой мозг смог минут через десять. Осознать, что я жив, я смог и того позже. Отрезвило меня только отсутствие арфы в руках, ну или котла вокруг меня. Осознав свою жизнеспособность, добрых полтора часа я пытался разлепить правое веко. Получалось плоховато, созревало такое впечатление, будто какой-то добрый дядя забетонировал мне все лицо. Однако правое веко я таки разлепил. Потом потратил полчаса на левое. После этой воистину титанической работы мне захотелось поспать... А побывали бы вы на моем месте! Во всяком случае, встать с кровати я смог не скоро.

Я снова пришел в себя.

Мамы рядом не было.

– Ма-ам... – Мой голос дошел до меня с большим опозданием, голова как будто была заполнена самыми что ни на есть обычными соплями. Мне было плохо. – Ма-а-ам!

– Ярик! Очнулся! – Из кухни мгновенно подошла мама. – Ты почему с кровати встал?!

А ну....

Я, насколько мог, быстро прервал ее.

– Да хватит... бомбил кто?

– Я не знаю, Ярик... – растерянно произнесла она, сев на стул.

М-да. Задача.

Пульс участился и буквально рвал виски на части, голова раздувалась. Глаза отказывались как фокусироваться, так и нормально работать вообще. Уши будто забило ватой. В конце концов закончились эти чудные метаморфозы тем, что, радостно запищав и для порядка повертевшись юлой, этот мир нагло лопнул, оставив меня в непроглядной тьме. Я снова потерял сознание.

Опустим то, что я видел во сне (ибо не видел ничего), и перейдем к тому моменту, когда я, обуреваемый жадной любознательности (и этой чертовой головной болью!), собирался прогуляться по двору. Жутко хотелось пробежаться по городу, но пока мне было это запрещено. Выпив три таблетки, выданные мамой, я вышел наружу.

Во дворе все было совершенно спокойно и обычно, не считая, конечно, воронки недалеко от окна в компьютерную комнату. Ноги повели меня за ворота... Выйдя со двора, я тут же пожалел, что сделал это.

Начну издалека: были ли вы когда-нибудь на рынке? В мясной его части, где продавцы рубят мясо прямо на открытом солнце. Мухи, не слишком аппетитный вид... но самое главное, что особо запоминается, – это, знаете ли, запах. Он разный, как я уже говорил. В закрытой мясницкой он тяжелый и противный. Чувствуется, что это именно мясо, даже слегка отвращает. Снаружи все по-другому.

Этот сладковато-горький, местами даже слегка оригинально-приятный запах теперь был полновластным хозяином улицы. Может, только моей, а может, и нет. Абсолютно всех. С единственным отличием – мясо, валявшееся под открытым солнцем, было человеческим.

Продолжим: а видели ли вы когда-нибудь мертвецов? Настоящих, не киношных и уж тем более не из компьютерных игр. Не видели? Завидую.

Хотя мне еще повезло. Было заметно, что кто-то пытался убраться тела из моего переулка. Их осталось всего два. На земле явно были видны следы того, что их тащили... куда-то. Во всяком случае, след вел к мусорной куче. Я кинул туда взгляд и увидел несколько свежих земляных бугров, на каждом из которых стояла вкопанная палочка с яркой тряпкой. Более того, прямо под каждой из палочек лежал придавленный хорошим куском кирпича пакет. Подойдя и раскрыв один из них, я увидел в нем несколько перепачканных кровью книжечек.

Превозмогая тошноту, раскрыл одну из них. Трудовая книжка. Видимо, не утруждая себя звонками в милицию или еще куда, неизвестный благодетель попросту достал документы у мертвых людей и положил их на могилки. Умно. Весьма и весьма.

Так или иначе, мне предстояло докончить работу моего предшественника. Я пошел во двор за лопатой. Хотя сначала стоило зайти домой.

– Мам, там у нас пара трупов на улице, может, вызвать кого?

Она была на кухне, что-то старательно нарезаю в глубокую тарелку.

– Приезжали, пока ты еще был без сознания. Вроде бы из акимата, рабочие. Сказали, что будут закапывать, но потом их срочно вызвали в другое место и они уехали.

– Надо докончить. Вонять будет.

Мама обернулась и очень пронзительно посмотрела на меня.

– Я не хочу, чтобы ты это делал.

– Я тоже не хочу. Но выбора нет.

Опять пронзительный взгляд и молчание.

– Надень то, что мы отложили на выброс. А еще перчатки и старую обувь. Когда закончишь, мы это сожжем.

Так я и поступил.

Противнее всего было обыскивать. Создавалось ощущение... да, плохое было ощущение. Будто ты руку не во внутренний карман, а в разрезанный живот суешь. Хорошо, что достаточно сильного запаха не было, иначе меня бы, пожалуй, вырвало. А-т-м-о-с-ф-е-р-а, мать ее так.

Хотя заворачивать мертвых в брезент (ну не закапывать же их просто так?) далось уже полегче – наверное, привык. Единственной оставшейся трудностью было выкопать могилки. Дело действительно трудное, в земле попадалось все – начиная со ржавого железа и кончая другим мусором. Пару раз пришлось делать передышки. Когда я все закончил, лило с меня водопадом. Снова стучало в висках, болела голова.

Я подхожу к воротам и сажусь на землю, опираясь спиной о забор. Можно даже сказать, что думаю о вечном. Меня клонит в сон, я смог бы уснуть...

Но тут из-за поворота вышел почтальон. Вернее, почтальонша.

– Эй, парень! – еще издалека окликнула меня она.

Открыв глаза и со вкусом зевнув, я поднимаюсь на ноги. Пышущая здоровьем пухлая женщина лет сорока подходит ко мне.

– Это улица Свердлова, дом 36?

– Ну да.

– Найменова Наталья Петровна тут проживает?

– Тут. А что? Вы давайте, я передам.

– Нельзя, тут из «Скорой», лично в руки. – Почтальонша помахала письмом с синей печатью.

Меня снова будто обухом по голове – ведь все медики военнообязанные!

– Ее нет, – соврал я. – Зайдите позже. А что за бомбежка? Кто бомбил?

– Непонятно, парень! Бомбежка бомбежкой, а я вот повестки разношу, приказ о всеобщей мобилизации объявили!

Мое лицо само собой расплылось в ухмылке, когда я увидел испуганные глаза соседа, слушавшего все это из окна. Ему было 30 лет. По закону он тоже военнообязанный.

– А тебе самому-то сколько лет, парень?

– Шестнадцать, – тут я не соврал. При всем моем росте и комплекции хоть и выглядел я, как мне говорили, на восемнадцать, но на самом деле я на два года младше. – Две недели назад ходил на удостоверение заявку делать.

– Ой ли?.. Хотя мне-то что... заболталась я с тобой... – Подойдя к соседским воротам, она кинула в жестяной почтовый ящик повестку и пошла дальше.

Весь настрой для работы пропал – наскоро засыпав кровь землей, я закинул лопату во двор и зашел домой.

Мама что-то варила. По телевизору шли новости, что характерно – был включен казахский канал. Как я узнал, спутниковое телевидение перестало работать. Как, впрочем, и кабельное.

По всем каналам шла прямая трансляция обращения президента к народу:

– Вчера вечером, в двадцать два часа сорок семь минут казахстанского времени, по нескольким городам Казахстана были совершены точечные бомбардировки. Межконтинентальные бомбардировщики подвергли бомбежке Астану, Алматы, Костанай, Караганду, Жезказган и области. Сегодня благодаря исследованиям стало известно, что это были самолеты системы «Боинг Б-52», модификации, неизвестной нам. Эта и другая информация, которая разглашена быть не может, дает основание полагать, что бомбардировку совершили ВВС США. Кроме того, сегодня в тринадцать часов пятьдесят минут казахстанского времени возле границ Казахстана, со стороны Каспийского моря, с кораблей была совершена высадка войск США. Казахстану со стороны Белого дома был предъявлен ультиматум о безоговорочной капитуляции в течение двух дней. По истечении этого времени по отношению к Казахстану будут применены не только точечные, но и ковровые бомбардировки. Причина нападения выведена не была. – Преклонных лет казах с круглым, как лепешка, лицом переменял листок с речью, глотнул из стоящего рядом стакана воды и продолжил: – Капитуляция принята не будет. Казахстанский народ не сдастся. Сегодня в ноль-ноль часов ноль-ноль минут по казахстанскому времени, сразу после объявления нам ультиматума, был объявлен приказ «О всеобщей мобилизации» лиц, возрастом начиная с восемнадцати и кончая сорока пятью годами. Мы дадим отпор вероломным захватчикам!

После чего экран моргнул, на него вывелось изображение гордо развевающегося флага Казахстана, и зазвучал гимн.

Я погрузился в раздумья.

В обыкновенные мальчишеские наивные раздумья по поводу того, что происходит в мире. Глядя на них с высоты хотя бы половины уже приобретенного опыта, хочется улыб-

нуться. Ведь улыбаемся же мы своим детским мечтам, в которых мы сворачиваем горы и побеждаем армии одним движением пальца? Вот то-то и оно.

Итак, я погрузился в раздумья.

Иллюзий насчет этой войны... хотя даже не войны, а конфликта, у меня не было. При всем моем уважении к казахстанской армии, конкурировать с войсками США она не сможет. Хотя бы из-за того, что последние 18 лет, начиная с 1991 года, нам слишком долго вбивали в голову, что американцы непобедимы... Из-за того, что у них больше техники и возможностей.

Вот, правда, зачем им Казахстан? Нет, можно понять, страна у нас богатая, вся таблица Менделеева в земле захоронена, однако... Меня осенило.

– Мама! А из России никаких трансляций не было?

– Да нет... – отозвалась она с кухни. – Точно. Ничего. С самого утра одни помехи по спутниковому... Будешь борщ?

– Конечно!

Несколько минут спустя, сидя за столом и похлебывая наваристый борщ, я обдумывал мысль, что пришла мне в голову. Ведь вполне может быть, что Казахстан – это промежуточная цель, а реальная цель скорее всего Россия.

Наскоро поев и обтерев тарелку куском хлеба, я обратился к пившей чай маме:

– Мам, я пойду прогуляюсь.

– Ярик, ты с ума сошел?! Ты хоть знаешь, ЧТО творится?! Говорят, уже нескольких таких вот гуляк похитили, и все, с концами! Да и мало ли что может случиться?!!

– Мама... – Я поморщил нос. – Что за чушь? Мало ли что говорят?

– Мне все равно, что говорят! Я не хочу, чтобы ты в такое время куда-то уходил!!

Я вздохнул и подошел к маме.

– Ну мам... – сажусь рядом с ней. – Ты пойми, нельзя сейчас сидеть сиднем. Надо узнать, что происходит в городе. Вдруг что важное, а мы тут? Вдруг... – Я задумался. – Да вдруг хотя бы людей эвакуируют куда-нибудь, а мы тут застрянем?!

Тон мой был достаточно горяч, и говорил я убедительно. Конечно, сразу мама не согласилась меня отпустить, однако потом я сумел переубедить ее.

Оделся я в довольно среднюю, разношенную одежду. Мало ли чего – получить по башке и очнуться в подворотне голым мне не хотелось. Но, решив перестраховаться, в рукав широкой мастерки я поместил обрезок пластиковой трубы. Легкий и, самое главное, бьет похлеще арматуры. Нелетально. И куда идем мы с Пятачком? А идем мы с ним на главную площадь, в центр города. Там всегда много кто ходит. Авось что-то и узнаю.

По дороге на площадь я решил пройтись до почты, ибо жил я с ней почти рядом. Дело в том, что сразу под ней находился вход в бомбоубежище, построенное еще в советские времена. Интересно, есть ли там кто? Хотя вряд ли... ибо по крайней мере два дня назад вход в это бомбоубежище был засран настолько, что туда не шли даже бомжи.

Однако сейчас ситуация изменилась – подойдя к спуску ко входу, я увидел небольшую фуру со знаком известной сети магазинов. Несколько грузчиков вытаскивали из нее коробки. Скорее всего кто-то переоборудовал столь нужную в данное время вещь в склад. Между прочим, зря – ибо в данное бомбоубежище входов и выходов было несколько.

Еще немного посмотрев на эту картину, я пошел на площадь возле Дома культуры. Несмотря на столь гордое название, площадью это было можно назвать лишь с большой натяжкой – она была не слишком большой и не слишком красивой. Разве что в центре ее стоял фонтан. Сломанный.

Вот как раз у него и тусовались несколько парней дворово-уличного вида. Не будь среди них моего одноклассника, я бы не рискнул подойти. Однако в своем классе отношения со всеми у меня были хорошие, так что...

– Саламчик, Леша! – Я приветливо дал краба долговязому парню в черном спортивном костюме. – Как дела?

– О, Ярик! – Тот махнул рукой компании, типа «свой». – Да вот дела по нормалу... В курсе, что Назарбай всеобщую мобилизацию объявил? Вот Андрюха еле от военки отвязался, все повестку совали.

Тот, кого называли Андрюхой, шмыгнул носом и подтвердил:

– Ну, блин! Я полчаса по всему городу прыгал, пока они от меня не отвязались!

– Да только что трындеж по телику смотрел, – я не преминул поздороваться со всеми остальными. – Полчаса распиался... В курсе, что это амеры напали?

– Да иди ты! Реально американцы? – влез кто-то из компашки.

– Ну да, ты что, телик не смотрел?!

– Бля... И че, воевать типа будем?

– Ну да... Хотя не выиграем, это сто пудов. Куда нам с амерами тягаться!

В общем, ничего нового от них узнано не было. «Мобилизация – армейка» – вот и все темы для разговора. Попрощавшись, я прошелся до военкомата, но туда меня даже близко не подпустили – был установлен небольшой кордон, за который пройти можно было, только имея повестку. Но я сумел-таки увидеть (а потом и узнать по разговорам), что их сажают на «ЗИЛы», после чего развозят по частям в Карагандинской области, там идет вооружение. И можно ли подумать, что из-за этих крупиц информации я пробежал по Сарани три с чем-то часа? Дом принял меня в свои объятия только вечером, после чего, выслушав долю нотаций от мамы и еще раз посмотрев новости по телику (ничего иного не показывали), я лег спать. Меня ждал новый день. И как это ни прискорбно признавать – куча новых проблем.

Разные люди. Российская Федерация

В эту ночь Верещаев спал плохо. Точнее – как-то странно. Он лег в третьем часу, когда закончил работу с компьютером, и вроде бы уснул сразу. Но... то ли приснилось, что уснул, то ли наоборот – приснилось, что не спит, то ли и правда не спал – только утром он мог бы поклясться, что всю ночь так и пролежал с открытыми глазами, глядя в потолок и слушая тишину в пустом доме.

Тем не менее усталости или тяжести, поднявшись в одиннадцатом часу, он не ощущал. Может, все-таки спал?

Он проверил сумку с вещами. Побродил по комнатам, сел в кресло. Подумал, глядя на серый экран телевизора: может, это сейчас я сплю? Сделать над собой усилие – и проснуться. Ничего этого не будет, ничего...

Включил телевизор, пробежался по каналам. Везде показывали новости, новости, новости об одном и том же. Про Особый Комитет ООН по природопользованию. Это была такая чушь, что опять захотелось проснуться. А еще – никуда не ехать, потому что за окнами совершенно обычной жизнью жил родной город. Потом промелькнуло что-то про миротворческую операцию США в Казахстане. Гм, в Казахстане?

– Я все придумал, – сказал Верещаев в тишину дома. – Зачем-то отвез мать в Белоруссию. Зачем-то собираюсь куда-то уезжать. Я в отпуске, надо догулять этот отпуск, который, кстати, только начался. И продолжать работать.

Он позвонил в мэрию, потом – в военкомат. И там, и там ответили спокойные голоса дежурных. Он извинился. Хотя было желание закричать: «Вы телевизор смотрите?! Оккупация началась!»

Встретился взглядом с портретом деда.

– Прости, – упали в тишину слова. – Я хотя бы попытаюсь.

Он выпил кофе, хотя обычно не любил этот напиток. Да и сейчас не полюбил, просто стремительно начала тяжелеть голова. Потом сел к окну, за которым был солнечный день. И сидел долго. Потом напротив окна затеяли игру соседские мальчишки – и это было невыносимо.

Он закрыл шторы. И, к счастью, пришел Демидцев.

Верещаев отдал ключи. Кивнул – разом на все комнаты:

– Вот... живите... – прокашлялся. Старый друг смотрел больными глазами. – Диск я на компе отформатировал, там чисто, пользуйтесь... если будет электричество... – Демидцев кивнул. – Да. Ружье я тоже оставляю.

– И ружье? – Демидцев моргнул.

– Да... Мало ли. Спрячь, скажешь – с собой забрал. Ну а куда уехал... – Верещаев пожал плечами. – В общем, не знаешь. А! Еще. – Он подал Демидцеву банку с тремя десятками дивидендов, запаянную в двойной слой толстого полиэтилена. – Это тоже спрячь. Так, чтобы никто не нашел, только ты. Это вся база... вообще – все, жалко будет потерять с концами... вдруг пригодится еще? Не мне, так...

Он не договорил. Зашнуровал туфли, подцепил сумку. Похлопал себя по карманам.

– Все, кажется. Пойду.

– Что теперь будет? – тихо спросил Демидцев. Верещаев пожал плечами.

– Не знаю, – сказал он искренне.

– Когда ты вернешься?

– Не знаю, – покачал головой Верещаев. Его подмывало сказать: «Поехали со мной!» – но он знал ответ, и Демидцев знал ответ, и нечестно было бы это спрашивать. – Если что – там везде крупы разные, сублиматы, соль, сахар, мука... Ну, всего полно, разберется.

Он завернул на задний двор, потрепал по ушам пса, который ткнулся хозяину в бедро носом и вопросительно поурчал. Верещаев на ходу забрал с крыльца сумку.

– Жене, девчонкам – привет, – обычным голосом сказал он стоящему у калитки Демидцеву. Тот протянул руку, пожал, потом рывком подтянул к себе Верещаева, обнял. – Ладно, ладно, – усмехнулся Верещаев.

И пошел по тропинке к калитке – не оглядываясь...

... Не грусти, безумный полководец,
Мы проиграем эту войну,
Уцелеет только мальчик-знаменосец,
Чтобы Бог простил ему одному
Нашу общую вину.

И будет нам счастье и чаша покоя,
Рассветные бденья над вечной рекою,
Целительный сон, и надежные стены,
И мир неизменный.

Не трудись, не порть новой карты
Планами беспочвенных побед,
Растеряв всех нас в боевом азарте,
Ты идешь упрямо на тот свет,
Невзирая на запрет.

Идущий за призраком вечной надежды
Взыскует служение в белых одеждах,
Открытие врат потайными ключами,
Предел без печали.

Мы сдадимся ангелам без боя:
Лучше в небо, чем такая жизнь,
Знаменосца не возьмем с собою,
Ибо жизнью он не дорожит —
Знаменосец должен жить.

Уходим бесшумно под пологом ночи,
Мальчишка проснется и смерти захочет,
Оставшись один, разуверится в Боге
В начале дороги...²

* * *

Клуб был закрыт. Закрыт с начала лета. Как-то само получилось, никто специально его не закрывал и не запрещал. Впрочем, Верещаев почти споткнулся, увидев сидящих на ступеньках людей. Он знал, что его тут должны ждать... но не думал, что – столько.

Шестеро мальчишек разного возраста: от 11–12 до 15–16 лет.

² Стихи «Тэм Гринхилл».

Русоволосый остролицый мужчина.

Черноволосая круглолицая женщина. Еще один мужчина – невысокий, крепкий, тоже русский, коротко стриженный.

Круглолицый грузноватый мужик. Маленькая светловолосая женщина. Рослый стойкий юноша.

Стояли аккуратно приткнутые друг к другу сумки и рюкзаки.

Увидев Верещаева издалека, все поднялись – синхронно, видимо, давно ждали.

Было очень солнечно и очень тепло. Жарко. Летний день.

Мимо на велосипедах проехали двое мальчишек и девчонка. Верещаев проводил их взглядом. Снова повернулся к людям.

– А мы знали, что вы здесь пойдете, – сказал, вставая, невысокий светловолосый паренек.

– Угу, – буркнул Верещаев. – Ну тогда здравствуйте.

– Возьмите нас с собой, – попросил паренек, не отвечая на приветствие.

– Куда взять? – усмехнулся Верещаев.

– Туда, куда вы едете, – серьезно ответил парень.

– Я еду отдыхать в Крым, – Верещаев качнул сумкой.

– Поедем в Крым, – не отступал светловолосый. – Там сейчас самый сезон... – Он многозначительно не договорил.

– Ольгерд, я им все рассказал, – негромко подал голос остролицый.

– Хорошее начало, Вить, – кивнул Верещаев. По улице проехал джип, из окон бухала ритмичная музыка. Все проводили машину взглядами. – Обратите внимание, нет ни выступления лидеров нации с призывом защищать Отечество, ни даже митингов, как в Крыму... куда я собираюсь. Все просто ждут.

– А мы ждать не хотим, – упрямо заявил светловолосый.

– Статья 208 УК РФ – «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем», – процитировал Верещаев. Все присутствующие неожиданно неприятно засмеялись. – Петька, Димка, – Верещаев смотрел на светловолосого и стоявшего рядом с ним смуглого паренька помладше, с густо-черными волосами, – ну ладно остальные, с ними мы уже говорили... Но вам-то, вам-то зачем это надо?! Идите домой. Слышите? Домой. Вас родители ждут. Идите – и постарайтесь устроить свою жизнь.

Мальчишки переглянулись. Светловолосый Петька посмотрел на носки легких кроссовок и предложил тихо:

– Ну тогда скажите, что все, чему вы нас учили – дерьмо. Громко, вслух скажите. Мы сразу уйдем. И все. Скажите.

Опять рухнула тишина.

– Идиоты, – выдохнул Верещаев. – Боги, ну какие же мы идиоты...

Они опять помолчали.

Из окна дома рядом с клубом очередная одесская «совесть нации» – видимо, там работал телевизор – громко вещала, что «худой миг лучше доброй ссогы». Ясно было, о чем идет речь...

– Поезда еще ходят, – сказал юноша.

– А что случилось, они и будут ходить, – усмехнулся Верещаев. – Ну что же. Пошли тогда.

– А мы? – спросил светловолосый.

– Вы же все равно пойдете следом, – вздохнул Верещаев.

– Не надо никуда идти, – сказал круглолицый. – Тут за углом моя «Газель». – Говори, куда ехать, Ольгерд.

Ярослав Найменов. Казахстан

Этой ночью по городу опять прошлись бомбежкой. Было страшно. Бухало сильно, а пару раз буханье отозвалось другими взрывами и криками людей. Конечно, спать было нереально, и мне казалось, что уснуть я не смогу еще долго. Но нет. Вскоре после конца бомбежки я и сам не заметил, как провалился в сон.

Бомбили не так чтобы сильно, наверное, целью было запугивание. Но зачем? Хорошенько подумав, я сумел родить лишь мысль о том, что область хотят хорошо и грамотно занять. Может быть, даже что-то такое тут организовать. Уже утром я поделился своими мыслями с мамой.

– Ярослав, я думаю, что тут что-то будет связано с Россией. – Мама была умнее меня по части фактов. Я же всегда был фантазером, эдаким наивным идеалистом, мечтателем. – От нас... да хоть тот же Тамбов! Хоть он от нас и далеко, но дорога хорошая и налаженная. Опять же, среднее расстояние от границ....

В обычное время я бы уже через полчаса забыл все эти домыслы, однако полтора военных дня очень сильно изменили образ мыслей. Теперь моим кредо стала фраза: «**Запомниай абсолютно ВСЕ**». И надо сказать, что в дальнейшем этот девиз частенько спасал мне как шкуру, так и имущество. А в такое время имущество почище иной жизни ценится.

– Ярик, у нас холодильник почти пустой. ... – Мама скромно поставила передо мной три жареных сардельки на тарелке. Даже без хлеба. Борщ мы решили оставить на вечер. – Хлеб кончился вчера, а в магазинах за булку требуют, как за военную тайну, соседка говорила.

Это не есть хорошо. Более того – это есть плохо. Даже совсем хреново.

Во всяком случае, об этом я решил подумать позже. Было 5.37 утра, я включил телевизор. Как обычно, по нему шли новости. Экстренный выпуск.

– *Несмотря на данный нам двухдневный срок, войска США не стали соблюдать указанную своим лидером дату, мотивировав это устроенным ВС Казахстана нападением на гуманитарный конвой. Конечно же, это ложь. За эту ночь была проведена завоевательная операция, в ходе которой оккупированными оказались города Атырау, Актау, Аркалык, Кандыбагаш и прилегающие к ним области. Наша армия уже ведет успешную борьбу с захватчиками.*

А дальше я слушать не стал, ибо шли восторженные речи в стиле «Мы героически и доблестно отступаем, а наши враги беспорядочно и трусливо нас теснят». Я поставил бы свою голову, что уже через два... ну максимум три дня командующий казахстанским фронтом «будет пить кумыс» в Астане. Хотя бы потому, что Казахстан наводнят войсками, у США их слишком много.

Фактически без малейшей надежды на что-либо я подошел к компьютеру, за который не садился уже довольно давно. Включил. Грустно окинул взглядом индикатор работы Интернета... и тут меня прошибло! Работал! Интернет работал! Конечно, скорость сильно упала, но все же выйти в Сеть представлялось возможным. Я не промедлил с этим.... Но уже вскоре был разочарован. На большинство сайтов зайти было нереально. Либо «превышен интервал ожидания», либо просто нечто для меня непонятное. Щелкая мышью где попало, я сам не заметил, как забрел на какой-то полудоделанный, склепанный буквально на коленке сайт, где на главной странице было окошко трансляции новостей. Не казахстанских.

Клик на окошко. Минута... две... три... Буферизация достаточна.

Большой зал совещаний, какой я видел в выпусках про ООН.

– ...перации? – Какой-то толстяк в очках обратился к человеку за табличкой «USA».

– *Нами была получена информация, что в Казахстане находятся незаконные единицы Оружия Массового Поражения, – ответил тот. – По данным нашей разведки, это ОМП водородного типа...*

Камера переключилась на вид всего зала – и я узрел представителей всех членов ООН. Но что удивительно – Казахстана там не было. К слову говоря, из окна, видневшегося на экране, открывался прекрасный вид на развевающиеся флаги стран. Казахстанский флаг там отсутствовал. А что это означает? А означает это одну до жути плохую вещь – с утра моя страна лишилась поддержки всего мира и, выражаясь грубо, нырнула в большую, глубокую и чрезвычайно грязную задницу.

Неужели никто в этом гребаном ООН не может понять – ну откуда у нас водородное оружие? Ядерное может быть, но водородное? Передача продолжалась.

– А какие меры были приняты вами?

– Мы перевели через Каспийское море некоторую часть контингента с наших военных баз в Иране и предъявили правительству Казахстана ультиматум о безоговорочной сдаче ОМП. Казахстан в ответ на это ударил по нашим войскам. Мы вынуждены действовать по разработанному нами плану блицкрига «Дропа – Митлсона». И в...

К сожалению помехи усилились настолько, что дальше разобрать что-то было уже невозможно. Я глянул на часы – было 7.25.

До жути захотелось выпить чего покрепче или набить кому-либо морду... Я решил снова прогуляться по городу. Надел то же, что и вчера – старые джинсы, серую футболку и мастерку с капюшоном. Не забыв, конечно же, взять пластиковую трубу.

Первым делом я пошел к бомбоубежищу, переоборудованному в склад – у меня возникла замечательная мысль...

...Дело в том, что у этого бомбоубежища, как я уже говорил, было несколько входов и выходов. Отмеченных, надо сказать, – перед каждым висела табличка «Выход №...» и дальше по порядку. Однако одна «тайная тропа» была не только не отмечена, но и тщательно скрыта – поскольку предназначалась исключительно для школы. Нам ее военрук на экскурсии показывал. Этим выходом был подземный тоннель, ведущий напрямиком к подвалу школы, располагавшейся стеночка к стеночке с бомбоубежищем. Назревает сомнение: ведь такой проход вполне легко заметить! А вот и зря. Чтобы пройти по нему в бомбоубежище, надо было раскидать большую кучу деревянного хлама, коим был засыпан люк, как в школе, так и в самом новооборудованном складе.

Все наружные выходы из бомбоубежища были заварены и опечатаны бумажками «Собственность Жансырова М. Х». Кем являлся этот достойный человек, было для меня загадкой.

Я пошел к школе, благо она была недалеко. Массивное здание встретило меня закрытыми дверьми как с парадного, так и с черного входа. Открыть их снаружи было невозможно – замок первого был забит спичками (хорошо, что они не были сломанными), из второго торчал провернутый наполовину обломок ключа. Кто-то очень умно решил проблему с дверьми, но совершенно халатно проглядел окна – ставни одного из них, на первом этаже, были всего лишь плотно прижаты одна к другой. Но не закрыты. Это были окна в кабинет химии.

Честно говоря, карабкаясь по бордюрику и цепляясь за подоконник, я не пожалел, что надел старую одежду, – она превратилась в порядком измазанные лохмотья, но все-таки в кабинет я попал. Мои глаза сами собой уставились на первую парту первого ряда, где я постоянно сидел. Вот и надпись «NIN!», сделанная мной почти в самом конце четвертой четверти... Омрачало мои воспоминания только одно – кабинет был закрыт.

Однако ненадолго – вконец разозленный, подбадривая себя матерными стишками, я выбил эту дверь к чертовой матери! И пошел к столу, где обычно сидели технички, – там хранилась толстенная связка ключей от всех кабинетов. Таких связок было две – одна у директора, одна в вышеуказанном столе. На случай, если придется открывать оба входа одновременно.

Первым делом я пошел... нет, не к проходу. В кабинет НВП – там у нас хранились воздушки и учебные «АК-74». Кто будет против, если я перемещу один (или парочку) из государственной собственности в частную? Да и кому они сейчас нужны... Оказалось, что никому –

даже железный, еще советский, шкафчик-сейф был закрыт, а ключей у меня не было. Пришлось идти назад, в слесарную, брать там гвоздодер и взламывать эту неприступную махину. Признаюсь, с этим гвоздодером я казался себе эдаким взломщиком-героем, выбравшим своей целью как минимум золотой запас США.... Чтоб им, тварям, подсыхать!!!

На взлом дверцы я потратил примерно час, не меньше, уж очень упрямый был замок.

Всего в шкафчике было 5 воздушшек (из них одна работала с осечками, а вторая не работала вообще) и два учебных автомата, один «АК-74», а второй «АКС-74У». Был еще у нас учебный «РПК», но он был военкоматовский. И в конце года его забрали... жаль, пригодился бы. У одной воздушшки я хотел обрезать приклад и таскать с собой, это глупо, я не спорю, но подобие хоть какого-то оружия! Что касается учебных... их я решил спрятать дома. На всякий пожарный. Тем паче что к каждому прилагалось по обойме с «пустышками» патронами. Грозно дернуть затвором и щелкнуть в потолок – этого хватит, чтобы напугать незадачливого вора (а то, что они будут, я был уверен! Не просто уверен – убежден на 149 процентов из 100 возможных!). Что касается пулек для воздушшки – их было не много. Их было ОЧЕНЬ много, жестяными пачечками я набил не только найденный советский вещмешок и сумку, но и карманы.

Мне очень повезло, если смотреть на все это свежим взглядом. Я поступил на редкость самонадеянно, сунувшись в школу. Ведь если подумать, ее могли охранять. И не какой-нибудь там старый Жанибек-ата, которого сторожем взяли только потому, что ходить не может... А если бы школу охраняла милиция или того хлеще? Однако нет. Дуракам, а уж тем более дуракам неопытным, самонадеянным, как правило, везет.

Выходя из комнаты с сейфом, я глянул на себя в широкое зеркало и глупо хрюкнул от увиденного – картина была та еще...

Угрюмая морда, увенчанная шапкой припыленных штукатуркой черных волос, мастерка с надписью «BMW», два желтых ремня от советского вещмешка, стягивающие эту мастерку на плечах... В руке широкая спортивная сумка, свисающая мешком аж до изрядно замызганных джинсов. И как две лампочки – гордо смотрят светло-голубые, почти серые глаза.

– Истинный ариец, вашу мать! – усмехнулся я.

Дома мама с интересом посмотрела на погромыхивающую сумку, но когда я достал из нее «калаш»....

– Ярик, откуда это?!

– Да вот солдатику по затылку стукнул... – решил сосрить я.

Однако она поверила. Я даже опешил. Неужели она думала, что ее сын способен просто так убить человека? Хотя, может, мне это показалось, но тогда я был чуть ли не ошеломлен.

– За что?!

– Мам, да успокойся, шутка это. Ну ты, блин, даешь.... – Я замаялся и покраснел. – В школе был – провел там инспекцию.... Это учебный. – Вещмешок раскрылся быстро – пачки пулек я выложил у себя на тумбочке. «АКС-74У» вынул вслед за его длинным собратом, а дальше пошли воздушшки. – Приготовь чего-нибудь поесть. Пожалуйста....

Пневматику надо было проверить – зарядив каждую, я стрельнул в специально поставленную для этого куклу. Три винтовки выполнили свое предназначение безукоризненно, разве что поначалу резкий воздушный «Бшумс!» всполошил спящую кошку. Четвертая сначала стрелять ну никак не хотела. Я разрядил ее и зарядил снова – получилось. Выстрелила почти бесшумно, но пулька застряла еще в «коже» куклы. Что касается пятой... она не стреляла вообще – что только я ни делал. Три работающих были старыми, еще 70-х годов. Выглядели непрезентабельно, это да.... Две новых смотрелись просто отлично! Черные, с удобной ручкой и «собачкой» – но их пришлось отложить, у них были какие-то проблемы с воздушным поршнем. Да и сам пневматический механизм у них располагался не только в основной части, он еще и частично заходил за приклад. А его я хотел отпилить.

Что и сделал спустя два часа – две остальные винтовки я положил в двух местах, одну у кровати мамы, другую у себя. Там же оставил по целой пачке пуль – остальные спрятал, как и «АКС-74У». Учебный «АК-74» я тоже положил у себя рядом с кроватью. Конечно, это не оружие. Нет, не так. Это не то оружие, которым можно защитить себя от сильного врага, такого, как... да хотя бы солдат вражеской армии. Однако вора или какого иного «джентльмена удачи» этим вполне можно шугнуть. На этом я и строил расчет, когда доставал все это из школы.

Наскоро поев, более-менее спокойный за маму, снова пошел на городскую площадь. Уже с иллюзией оружия – обрезанной воздушкой, которая в таком виде очень сильно смахивала на мелкокалиберную винтовку. Надо сказать, я немного помучился, пытаясь ее спрятать, – отпилил я только приклад. Ведь только скрыть – это половина дела, ее надо еще и вытащить! Но получилось – поставив ее на предохранитель, я сделал в моей двусторонней мастерке приличную дырку, обнажив подкладку. Винтовку я сунул туда, благо мастерка была плотная и широкая, ходить мне это не мешало. Лишь немного потренировавшись дома и в сарае, я более-менее наловчился не только хорошо носить воздушку, но и быстро ее выхватывать.

На площади ничего, по сути, не изменилось. Даже компашка стояла та же.

– Ну привет, Леша. Как дела?

– Да как обычно... – В этот раз Алексей потягивал пиво со своими друзьями, и протянул свою бутылку мне. – Будешь?

– Не, спасибо. Что нового?

– В курсах, что амеры уже Аркалык заняли? И к Караганде движутся?

– Брешешь! – делано отмахнулся я.

– Да ты че, бля! Вот, Чаниг сегодня приехал. – Чаниг был местной звездой рэпа. – В Аркалыке рэповал на баттле! Вот грил он, что там по улицам уже всю нигеры ходят с пушками! Реально грю, акима сняли! Ладно, харэ... В курсе, как Ганич рэповал? Кетеров в лоскуты порвали, бля буду!

– Н-да... – Смеркалось, а у меня на очереди было еще много дел. Как важных, так и не очень – по крайней мере, мне было не до болтовни. – Ну ладно. Удачи, а мне домой пора.

– Э-э-э, погоди... – растягивая гласные, это произнес Андрюха, еще вчера убежавший от повестки в армию. – Ты че какой-то смурной? Пива с пацанами не выпьешь, краба по нормалу не дашь, ходишь тут языком треплешь... Не мусорской ли ты, часом, работничек?

Сам того не желая, я разозлился.

– Фильмов посмотрелся? Шарик за ролики заехали? – Коленки, как это обычно у меня бывает, слегка дрогнули, однако страха не было. Хотя исключительно из благоразумия я постарался отойти.

– Хотя да, Яр... – это влез Алексей. – Какой-то ты не пацан... Музыка не такую слушаешь, одеваешься, как лошок какой-то...

– Кто лошок? Я лошок?! Ты охренел, что ли? – Меня замкнуло, но пока что я не кричал, только говорил торопливо и горячо. – Беспределите, «правильные»...

– Да не... Какой уж тут беспредел... – Думаю, это прозвучит избито, но Леша осклабился. Противно так.

Всего их было четверо. Двое стояли сзади – Алексей и еще какой-то тип в шапке, сдвинутой на затылок. Двое спереди – Андрюха и опять какой-то из незнакомых мне. Вот тот из незнакомых, который стоял спереди, положил мне руку на плечо...

Вообще-то тогда я психологией и прочей херней не увлекался, но вот гораздо позже узнал, что у наших диких голозадых предков при конфликтах жест «рука на плече у врага» считался подчиняющим жестом. Человек я и так не очень спокойный, и тогда, даже несмотря на мое незнание этого, меня жутко взбесило!

Оттолкнув грязную руку, я отпрыгнул назад и, опередив рванувшегося ко мне Андрюху, выхватил воздушку.

– Стоять!!

В глазах помутилось. Больше всего мне хотелось даже не нажать курок, а ударить хотя бы одного из них дулом в горло. Но, вздохнув пару раз, мне удалось чуть-чуть взять себя в руки.

– Он пи**дит пацаны, это не настоящая! Воздушка!

– Проверь! – Раздался демонстративный щелчок предохранителя, благо он находился сразу над спусковым крючком.

– Э-э-э, слышь, Ярослав, ты с хрена ли беспределишь? – Леша хотел подойти ко мне, зря...

Стрелять я не стал. Я просто прицелился ему в глаз. Демонстративно так подняв винтовку повыше.

– А ты в курсе, что пулька из воздушки пробивает кость на три сантиметра?! – отсебятина, которую нес мой язык, опытного мастера заставила бы только поржать. Но с виду они испугались. – Кто хочет быть первым?

Разводя демагогию, я не забывал отходить назад. Они тоже потихоньку пятились к фонтану.

Не знаю, чем бы все это закончилось, однако, как говорилось выше, уже вечерело. В связи с обострившейся обстановкой в городе ввели патрульную систему. Один из таких патрулей как раз и наткнулся на нас. Слава богу, это были не менты, а солдаты....

– Так. – Голос был взрослый. – Что тут происходит?

Двое в военной форме, казахи. Младший лейтенант и с ним рядовой с автоматом в руках. Такой же «АКС-74У», как тот, что у меня дома.

– Да вот, господин солдат, разговариваем мы, а тут подходит к нам этот псих с винтарем и грит нам типа «Сотки, цепочки, бабло на землю, суки!» – Леша колотил понты как только мог, однако он просто не понимал, что такая отмазка сработала бы только в мирное время. Сейчас перед ним был отнюдь не ленивый мент. Насколько я знаю, военным патрулям разрешалось вести огонь на поражение.

Выслушав это, младший лейтенант неприятно оскалился и потянулся к кобуре.

– Ага-ага... Ты кому лапшу на уши вешаешь, п*дрило? Думаешь, мы первый раз тут ходим и вас не видим?! – Явно работал на публику. – Уже несколько жалоб на тебя и твой курятник! Ты что вообразил, я с тобой и твоей кодлой цацкаться буду?! Да постреляю вас тут и кину в этот фонтан! И ни хера мне не будет!! Станете на удобрения перерабатываться, по закону, бл*дь, военного времени!! Валите отсюда, цветастые, пока не передумал!

Повторять не пришлось.... Они свалили. А я снова поставил воздушку на предохранитель и сунул в складки мастерки.

– Ну ты Рэмбо, блин, парень! – Лицо лейтенанта изменилось до неузнаваемости, теперь он хохотал, буквально захлебываясь смехом! Я бы тоже поржал за компанию, не будь я так взволнован и... признаюсь честно, испуган. Адреналин схлынул, меня проняло. – Гопников пневматикой пугать... Ха-ха-ха!! Иди-ка ты домой. Комендантский час – ты его нарушил, – а задерживать тебя мне ой как не хочется....

Я не преминул последовать мудрому совету.

...Снов мне не снилось, разве что какие-то голоса и наглые бритые рожи... но это уже от происшествий дня. Честно говоря, только придя домой, я понял, во что почти превратился наш городок. А во что он еще может превратиться в дальнейшем.... Воздушку я положил на ковер у кровати. Рядом с «АК-74».

Блаженная темнота сна прервалась лаем собак. Моих.

Вслед за этим на веранде скрипнула дверь и раздался шорох короткого, изрядно запачканного коврика. **Я не закрыл дверь на ночь!**

Почти мгновенно осознав предыдущую мысль во сне, моя рука машинально нащупала успокаивающую прохладу автомата. Пусть и учебного, оружие, даже сделанное из дерева, вну-

шает спокойствие и твердость разума... Это, кстати, не я сказал. В книжке прочел, книжка одного писателя с очень странным именем... То ли Герд, то ли Ольгерд... Да, точно – Ольгерд. Ольгерд Верещаев.

Потихоньку скрипнула вторая дверь. Та, которая вела с веранды собственно в дом.

Молниеносно натянув шорты, я подхватил «АК-74» и на цыпочках подкрался к коридору, остановившись в трех метрах от двери... Уже стали слышны разговоры.

– Слышь, а че потом?

– Увидим... у него дома должно много хабара быть... Кстати, мамка у него ничего?

– Ну нормал...

– Значит, натурой ответит...

Все. В голове щелкнул переходник «Спокойствие – Аврал». Я думаю, не надо говорить, в какое положение он встал; клянусь, будь у меня в руках настоящий автомат, я бы их пострелял. Однако за неимением служанки используем повариху...

– **Стоять, суки!!** – закричал я специально, чтобы разбудить маму.

Она не преминула выбежать – кстати, мои наставления явно не прошли зря, в руках у нее была воздушка. Правда, как я узнал позже, разряженная.

– И чего мы тут делаем? Кстати, ты был прав, Андрюха... – Их было всего двое. Леша и Андрей. – Я действительно не просто так инфу качаю – в армию вступил, на военных тружусь...

Конечно же я врал! Однако для них все встало на свои места – и «АК-74» у меня в руках, и благосклонность лейтенанта ко мне. – Сейчас будет вам... по законам военного времени.

– Ты охерел?! С ума сошел?!!

И тут меня осенило. Если они так любят играть в «правильных пацанов», я поиграю вместе с ними.

– А вы против?! Хорошо... Мам, принеси фотик! – Отличнейший цифровой фотоаппарат был подарен мне на день рождения, я всегда любил фотографировать – Спасибо, мам. Иди назад в комнату. И не выходи.

Надо же, даже не спорила...

Дождавшись ее ухода, я демонстративно передернул затвор – из него вылетел патрон. Клянусь, я чуть не заржал, когда увидел, как проследили они глазами за его полетом.

– Да ты ох...

– Молчать. – Черное дуло автомата плавно проплыло, избрав своей целью лоб Андрюхи. – Интересный у вас разговор был. Однако мне он не понравился. И вот что я решил... – Ей-богу, если хоть один из них отказался бы от моего приказа, я бы отпустил их, только пригрозив напоследок: – Вы у нас такие возбужденные, спермотоксикоз, наверное... В общем, моей матери вы наверняка не понравились. Так что придется вам, дорогие мои, иметь друг друга. Куда – значения не имеет. А я тут увековечу... – Фотоаппарат тихо пискнул и открыл маленький объектив, началась видеозапись, – для потомков... гы-гы!

– Чего?! – в унисон произнесли они.

– Я не шучу. Предупреждаю: откажетесь – накормлю свинцом! Сами виноваты! – В это время я думал: «Ну давайте, откажитесь! Вы же нормальные люди, парни, мужчины! Уже девчонки у вас были! Ну же!!» Однако – нет.

Обреченно вздохнув, Сергей начал спускать штаны мастерки, встал на четвереньки... Теперь очередь Андрея показывать стриптиз... Три... два... один... Стоп режим съемки!

– Валите отсюда, дебилы. Валите. Съемки порнухи отменяются. Но режиссерская версия остается у меня.

Дер. Чистое. Российская Федерация

*Кончится тем, что плонут эти крестьяне на всю власть вообще,
перекроют завалами дороги и выберут себе попа в старосты и кузнеца
в воеводы...*

М. Калашиников.
«Война с Големом»

В этой деревне цивилизация, судя по всему, кончилась с советской властью.

Последние 20 лет Чистое тихо вымирало – и это никого не интересовало. Магазин закрыли в 1998-м, школу – в 2001-м, фельшпункт – в 2002-м. В 2005-м отрезали свет. Население сокращалось – в начале 90-х в селе жило больше тысячи человек, а к описываемому времени – не больше сотни давно махнувших на все рукой стариков и старух да пара фермеров, работавших практически на прокорм самих себя (в условиях Центральной России фермерство в чистом виде как что-то доходное невозможно). Расположенное на заброшенной железнодорожной ветке в окружении воронежского леса-заповедника село просто-напросто вычеркнули из жизни «большого мира».

Собственно, и жители Чистого давно перестали интересоваться внешним миром. Поэтому появление «чужих», да еще в немалом количестве, насторожило аборигенов только в том плане, чтобы эти «чужие» не начали безобразничать.

Но «чужие» – то ли туристы, то ли сектанты, не поймешь – безобразничать и не думали. Они обосновались в нескольких старых, но еще очень даже крепких домах на дальнем конце села и притихли.

Никто из жителей не мог вскоре даже достоверно утверждать, есть они там вообще или их нет?

* * *

В принципе в нынешних условиях классическая оккупация России не представлялась возможной – для этого потребовалось бы не менее полутора миллионов солдат, да и то их присутствие гарантировало бы контроль лишь за крупными городами и наиболее важными транспортными артериями. Кроме того, такая оккупация неизбежно озлобила бы наиболее активную часть населения – многочисленных ветеранов войн, бывших армейцев и часть ментов, просто разных охотников, сурвайелистов, безбашенных одиночек, многих братков... Поэтому решено было поступить проще – никакой оккупации. Территорию России никто не собирался завоевывать. Комитет ООН по природопользованию брал под контроль с помощью миротворческих сил ООН (миссия UNFRF) лишь наиболее важные месторождения полезных ископаемых и линии их транспортировки – «во имя блага всего человечества». В остальном все оставалось невероятно благообразным. Прежнее правительство передавало власть старым проверенным кадрам – Подлинскому, Елдайсу, Прыткóму, Хульдару и прочим – и в полном составе отправлялось на отдых по заграницам. То, что оно не доделало, должна была доделать в ближайшие 10–15 лет новая власть – программы «Обрети дом» (вывоз из России беспризорных детей и детей из «неблагонадежных» семей), «Покаяние» (расширение прав сексуальных меньшинств), «Познай себя» (сексуальное и наркологическое просвещение в школах), «Новая Россия» (поддержка «новой культуры», особенно в среде молодежи), много других, со столь же красивыми названиями, новая «раздача суверенитетов», кардинальное сокращение армии с превращением ее в двухсоттысячные «силы самообороны», не имевшие ни ВВС, ни ВМС, ни тяжелой бронетехники, ни солидной артиллерии... Кусочки территории России отщипнули

Грузия, Украина, Польша, Япония, прибалты – понемножку, то тут, то там... (Неожиданно отказалась Финляндия, вызвав общее недоумение.)

Русский человек, веками привыкший видеть перед собой реального противника, никак не мог поверить в то, что против него ведется война. Почти никто из русских ТАК войну себе просто не представлял и искренне считал, что ничего особенного не происходит. Кроме того, «братковские войны» 90-х и «антифашистский стабилизец» начала века здорово повыбили тех, кто реально умел за что-то с кем-то бороться, а развал системы здравоохранения, образования и воспитания крепко подкосил основополагающие ценности русского народа в целом. Ну а многолетняя чехарда выборов и агитации отключила у подавляющей массы населения желание вообще вникать в то, что творится «наверху».

В общем, к 2050 году, по расчетам аналитиков ООН, русские как народ должны были практически исчезнуть, слиться с соседями и «меньшинствами», превратиться в экзотическое недоразумение, типа ассирийцев или лужицких сербов. И – никакого насилия, никакой оккупации, никакой войны вообще. Все сделают сами русские. И мир вздохнет с облегчением... после чего можно будет заняться арабами и китайцами, чтобы миру стало еще легче. Планета не резиновая, и пряников на всех не хватит... Ну а там – впрочем, так далеко ТАМ старались не заглядывать – надо будет и свои ряды проредить... конечно, за счет малоценных кадров...

... Не были учтены лишь две вещи.

Аналитики не могли даже предположить, до какой степени русский народ презирает любую власть вообще.

И это качество было всеобъемлющим, не зависящим ни от возраста, ни от пола, ни от социального положения, ни даже от принадлежности к самой власти.

И еще не была учтена непомерная, зоологически обезьянья жадность западных ставленников.

Большая часть бабок, отпущенных «на уничтожение русского народа», мгновенно пошла в элементарный распил...

* * *

– Научить ее магазины набивать – цены не будет.

– Она и так умеет, просто я не доверяю, – гордо заявил Арт, за длинный серо-розовый хвост поправляя декоративную крысу, тащившую по прикладу «РПК» пулеметный патрон. – Ганза, тихо, не падать!

Крыса жизнеутверждающе пискнула, уронила патрон в ладонь хозяину и неторопливо отправилась за следующим – в стоящий на ступеньках поодаль цинк.

Верещаев неопределенно хмыкнул и потянулся.

Был чудесный летний вечер. Алое солнце садилось за деревней, где-то мычала корова... и вообще от окружающего веяло такой пасторалью, что хотелось запустить в эту идиллию матом. Верещаев вздохнул, задрал ноги повыше на скрипнувшие перила и вытянул наружу затвор «маузера», который держал на коленях.

– А я давно спросить хотел, – вдруг поинтересовался Арт, поправляя кепи, – почему вы с этой штукой ходите? – Он кивнул на «маузер».

– Э... – Верещаев любовно дыхнул на длинное тонкое дуло. – Ну как бы тебе сказать... Я символист. В смысле, для меня «маузер» – символ революционных перемен... Ганза, а мне принесешь?

Крыса проигнорировала просьбу – она уже несла еще один патрон любимому хозяину.

– Спрашивай еще, – предложил Верещаев. Парень, втолкнувший патрон в ребристый барабан семидесятизарядного магазина, помог крысе добраться до цинка (за хвост) и удивился:

– О чем?

– О чем ты сразу хотел спросить.

– Ладно... Мы когда партизанить начнем?

– Мы уже партизанам, – удивился Верещаев, наблюдая, как Никитка с Ильей, появившиеся из-за угла, тащат два ведра с рыбой. – Что тебе не так? Спишь в вещмешке... в смысле, тьфу, черт, в спальном мешке, воздух свежий, в перспективе зима... Э, паразиты, карпа поймали?

– Карасики, окушки, плотва, – коротко отозвался Никитка и крикнул в окно: – Мааааа, рыбу куда?!

– В дом! – решительно отозвались из окна. – А сами – спать!

– Мааааа...

– Мыть руки, ноги, уши и спать! – Из окна высунулась светловолосая голова. Женщина поинтересовалась: – Ольгерд Николаевич, а мой-то где?

– Он пошел с фермерами самогонку пить, – грустно отозвался Верещаев. Мальчишки под шумок смылись за угол, оставив на траве ведра. – Меня не взяли, сказали, что я все испорчу.

Он шумно щелкнул затвором, загнал в ствол патрон из пачки и, поставив оружие на предохранитель, снова любовался им.

– Кто у вас с Пашкой спарринг выиграл? – поинтересовался он у Арта. Парень оттопырил нижнюю губу и посадил усталую крысу на плечо.

– Я, конечно. Плохо они у вас подготовлены.

– А на ножах? – Голос Верещаева был равнодушно-коварным. Арт смутился и что-то засвистел в пространство.

– Ну, ножи – это ножи, – неопределенно ответил он и встал, поднимая «РПК». – Пошли, Ганза. Спать пора вообще-то.

Верещаев вредно хохотнул вслед и, вздохнув, открыл какую-то потрепанную книжку, лежавшую на перилах.

Вечерело – медленно, солидно и красиво. В поселке, хорошо видном с пригорка, на котором стоял дом, зажглись редкие огоньки керосинок. Над небольшой луговиной, отделявшей от леса северную окраину, пополз густой туман. Обострились звуки и запахи. В доме два женских голоса напевали песню про капитана.

Верещаев отложил книгу, поправил на бедре деревянную кобуру «маузера».

Он ждал.

– Рыбу-то куда, Ольгерд Николаевич? – спросила из окна женщина.

– А? – Верещаев откликнулся неохотно. – Пустите в таз. Пусть поплавают... на свободе. До завтра.

И хмыкнул.

Опять стало почти совсем тихо, лишь посторонние звуки крались из окончательно почерневшей низины. Верещаев сидел неподвижно, лишь изредка лениво отмахиваясь от комаров или перекладывая ногу на ногу. В конце концов он стал почти невидим. Казалось, даже уснул. И пошевелился, только когда слышались легкие шаги и на тропинке снизу, у калитки, появился плавно движущийся смутный силуэт.

– Димон? – окликнул он.

– Я самый, – отозвался Ярцевский, подходя вплотную. Сгибом пальца расправил короткие усики и улыбнулся – в темноте блеснули зубы.

– Поговорил? – Верещаев поднял глаза. Ярцевский кивнул.

– Мужики согласны... – Он встал поудобнее. – Да там все ясно было, я ж знал, к кому присматриваться... Просто хотел, чтобы к нам попривыкли. Один – бывший вояка, второй – из коренных крестьян. Поговорили, посидели...

– Без самогона обошлось? – уточнил Верещаев. – Не чую.

– Обошлось... чай там у одного хороший. – Ярцевский встал прямее. – Ну что? Можно начинать.

– Значитца, теперь ты, Димон, наш князь, – определил Верещаев. – Дмитрий Светоносный. Люцифер, в смысле.

– А что? – Ярцевский поставил одну ногу на ступеньку и оперся на нее локтем. – Так и назовусь.

Верещаев кивнул и поднялся. Кобура «маузера» качнулась у бедра.

– Начинать так начинать, – обыденно произнес он. – Пойду погуляю немного. А ты спать?

– Спать, – кивнул Ярцевский. – Не загуливайся. Утром совет.

Ярослав Найменов. Казахстан

По правде говоря, о том случае я стараюсь больше не вспоминать. И смешно, и противно. Хотя польза от него была – я пригрозил этим двум не в меру озабоченным товарищам, что если по их вине из моего дома пропадет хоть ржавая копейка – фотоаппарат будет подарен неизвестному Чанигу. Они испугались... еще как! Хотя, честно говоря, я не мог понять, как можно было... Но хватит об этом. «В мирное время легко быть злым» – как писал Верещаев. Вот и они были злыми лишь в мирное время. К военному оказались не готовы. Ну в самом деле, легко осадить зарвавшегося гопника, если ты знаешь, что сила больше не на его стороне.

Утро следующего дня я посвятил копанию в сарае. Искал разобранную садовую тачку, благо еще помнил, как ее следует собирать.

М-да... думаю, моя мама не заметила, как на место главы семьи понемногу заехал я. А что? В принципе все верно – женщина должна беречь детей и следить за домом. Обеспечивать жар домашнего очага, да. Она может быть мозговым центром, и, надо сказать, довольно хорошим – все-таки в чем-то они умнее нас. Но во времена войны женщина должна закрыть рот на замок и все феминистические идеи (если они есть) засунуть глубоко и надолго. Советовать и помогать – да. Управлять по-своему – только если нет иного выбора. Голливудские «Солдаты Джайн» – неприемлемы. Хотя бы потому, что это неправильно и противоестественно, уж по крайней мере, с моей точки зрения.

Так получилось и у меня. Моя мама, будучи человеком умным, стала просто слушать, что я ей говорю, поправляя меня, указывая неправоту и глупости – оставаясь пресловутым мозговым центром. Но только мозговым. Все остальное делал я.

Собрать тачку удалось за полчаса. На остальное, увы, времени у меня не оставалось. Новостей не было – и, решив не откладывать задуманное, я начал собираться.

– Значит так, мам, пожалуйста, проверь тачку. У меня будут дела... Сейчас я уйду. Постараюсь кое-что узнать. Быть может, тачка и не пригодится, но все же.

Она не стала спорить, лишь вздохнула и напоследок прижалась ко мне.

– Будь осторожнее...

Все-таки у меня не мать, а золото....

И все как обычно: дорога в школу – через окно. Только теперь я прошел ко входу в эвакуационный тоннель. К чести директора школы, он был в прекрасном состоянии. Чего нельзя сказать о двери бомбоубежища – хорошенько подумав, я решил до ночи ее не закрывать. Ну кто сюда войдет, кроме меня?

Признаюсь, войдя в это построенное на века сооружение, мне захотелось как минимум хорошенько избить того, кто забил его товарами. Подумайте – сколько людей могло спастись, если бы двери бомбоубежища были открыты? Сделать это я не мог... жаль... Хотя – что уже теперь изменишь? Будущее – закрыто, прошлое – забыто. Настоящее надо делать самому. Иначе и его просрешь... Я начал искать консервы и вообще еду, которую можно хранить как можно дольше. Тушенку, сгущенку, консервированные фрукты, лапшу быстрого приготовления... Кстати – о ней.

– Ну-ка! – я с размахом разорвал коробку с надписью «Биг-Бон», из которой на твердый пол посыпались квадратные пачки красного и синего цвета. Я любил иногда схарчить парочку таких пакетиков. Вкусно. Но на организм действует не самым лучшим образом. Хотя куда мне уж выбирать?

Эту коробку я оттащил ко входу. Чего зря ходить потом? А потом снова пошел искать....

Долго описывать мои хождения по бомбоубежищу я не буду, приведу лишь небольшой список найденных мною харчей. Точнее, нашел-то я много чего, но взял лишь толику:

1. Консервы «Свинина тушеная» ГОСТ 697-84 – 5 коробок.

2. Консервы «Говядина тушеная» ГОСТ 5284-84 – тоже 5 коробок.

Потом были два ящика консервов мясных «Гречневая каша гуляш» и одна коробка «Мяса в белом соусе». По правде говоря, насчет тушенки, я наткнулся еще и на «Оленину тушеную» производства какой-то фабрики «Тажай». Ее было больше всего, но брать я ее не стал. ГОСТа не было. А что такое тушенка без ГОСТа, я знаю не понаслышке, купил как-то вот «Курятину по-деревенски».... Оказалась соей по-китайски, приправленной более чем качественным ботулизмом....

Упомяну о сгущенке, концентрированном молоке и ананасах в сиропе (из фруктов были только они), их было маловато. А жаль.

Таская все это к выходу и аккуратно складывая, я думал об одном: неужели никто больше не ищет «приключений», подобно мне? Или не понимают, что для того, чтобы выжить, надо не сидеть на месте, а *приспосабливаться*. Ведь выживают лишь такие. Хотя, наверное, таких, как я, много. Просто светиться не хотят. Меньше знаешь – лучше спишь; эту старинную мудрость очень легко приспособить под наше время – «Чем меньше знают о тебе, тем больше покоя твоей голове». Это мне один умный человек сказал. Очень умный и смелый человек. Но это было позже. И об этом – не сейчас.

Провозился на складе я примерно час-два. Вышел из школы в самую парилку и, пройдя несколько десятков метров, наткнулся на парочку гопников, что были вчера с Сергеем и Андрюхой. Моча опять ударила в голову, и рука сама метнулась к воздушке – направить ствол на этих двоих.

– Куда топаем?

– А те какое дело? – угрожающе огрызнулся смуглокожий казах с давно не мытым лицом.

– Да мне-то все до жопы, но скажу сразу, если в школу – то дуйте отсюда куда подальше.

Нельзя.

– Да ты охренел, паря? Ты че тут, типа землевладелец типа стал?

– А типа да! – Рука была твердой, как никогда. Такие события меняют людей. Вот и меня изменили. – Захочу – жить тут буду! Захочу – вообще окна заколочу! Раз никого нет, значит, мое! А ты что, мне предьяву бросаешь? Так давай обосновывай!

Тяжело дыша, смуглокожий мотнул головой своему русского вида другу:

– Слышь, Коррик, это чмо будет нам указывать....

И резко махнул кулаком....

Я, если честно, выглядел не очень внушительно, но явно достойно. Хорошо разработанные руки, плотное телосложение... К тому же я долгое время ходил на греко-римскую борьбу. А потому реакция у меня была.

– Пид*р!!! – заверещал казах после того, как воздушка тихо хлопнула и мягкая свинцовая пуля попала ему в глаз. К такому он явно готов не был – а потому скорчился и упал на землю.

Его товарищ ринулся ко мне и выкинул, целя мне в голову, вперед руку, которую я резво перехватил и на автомате перекинул его через себя, со всей силы швыряя врага спиной на асфальт.

Тот уже начал было подниматься, но, получив удар ногой по лбу (я метился в подбородок, но промазал) и ударившись затылком об землю, передумал совершать столь необдуманное действие. Тяжело дыша (дыхалка у меня была не очень, грешен), я обратился к казаху:

– Еще раз тут увижу, накажу. Если хочешь знать как, спроси у Лешика своего. А сейчас, калбитня, вали отсюда со своим подсиралой, пока не прибил к хреновой матушке!

Хе! В мирное время за «калбитню» можно было нехило схлопотать по мордасам от любого казаха. В данный момент единственный представитель этого хорошего (и самое главное, несмотря на кажущуюся простоту, хитрого почище знаменитых «таки да») народа валялся

и глухо постанывал, держа в руках уже вытекшую из, а точнее – вместе с глазом пульку. Кстати, о них, родимых... Я поспешно зарядил воздушку.

– Чего разлегся? Не в юрте лежишь, давай вали отсюда!

Ну вот. От дома гопоту отвадил, от источника продовольствия тоже отвадил... на короткое время, конечно. То, что они здесь появятся, – факт. Но все же отвадил.

Хотя, хорошенько подумав, я вернулся назад и закрыл дверь прохода в бомбоубежище, после чего для пущей безопасности заставил ее коробками и ящиками.

Потопал домой. В холодильнике кое-что появилось. Мама сумела получить какой-то паек – сгущенка, тушенка, хлеб, молоко... также были и деньги, аж пятнадцать тысяч тенге. Вот только купить на них чего-то было фактически нереально, цены взлетели почти до небес, да и продуктов в магазинах было не так уж и много.

– Кстати, о магазинах! – излагавшая новости мама подняла вверх палец. – Знаешь, что с Жансыровым случилось?

– Жансыровым? – Я недоуменно пожал плечами. – Я не знаю даже, кто это такой.

– Ну владелец сети магазинов... Марат Жансыров!

В памяти всплыла опечатанная дверь бомбоубежища.

– Что-то такое припоминаю. А что с ним?

– Погиб. Бомбами накрыло. Я точно не скажу, однако говорят, – на этот раз мама подняла вверх всю ладонь, – говорят, что прямо по его коттеджу попало. Выживших нет... Вообще никого. Весь дом выгорел, страшно...

В моей голове солнечными зайчиками прыгали мысли. Только сейчас я понял, что моя наглая задумка по обворовыванию склада в бомбоубежище... именно что наглая! Я сумел осознать, *что* могло бы случиться со мной и с мамой, если бы об этом стало известно кому-то, кроме меня и еще одного человека. Мне снова невероятно, феерически повезло.

Сытный обед, а если уж придирааться ко времени, то полдник, я завершил хорошей кружкой чая с молоком. Немного посидев у компьютера, я совсем уже отчаялся найти что-нибудь в Интернете. Ну и ладно. В списке моих дел пробелов пока что не было. Снова немного попререкавшись с мамой, я оделся и ушел. Ведь, слава богу, есть друзья и, слава богу, у друзей есть шпаги...

За что я уважал Влада, так это за его бесшабашный характер и возможность помочь абсолютно в любое время. Что меня в нем коробило – так это любовь к языку «падонкафф» и прочее покорствование интернет-моде... Но на вкус и цвет, как говорится...

Я зашел в широкий подъезд и, поднявшись, подошел к двери, из-за которой явственно доносились звуки индастриала. Вроде NIN. Тем лучше. Значит, он в хорошем настроении.

Звонить пришлось долго, и я уже начал злиться, когда послышались тяжелые шаги, дверь глухо щелкнула, и в дверном проеме появилась туша... Я серьезно! Вес Влада 120 кг. Неправильный обмен веществ у парня.

– О, Ярик, превед!

– Да и тебе не кашлять! – Я пожал протянутую руку.

– Заваливай!

Разные люди. Казахстан

– Нурсултан Абишулы...

– Говорите по-русски, пожалуйста. – Седой человек с обмякшим лицом, тяжело вздохнув, опустил голову на ладони. В своем кабинете, за этим самым столом, он просидел больше двух дней, поправ суры Корана... Да будет Аллах милостив...

– Войска США приближаются к Алматы. И Астане. Вам передана депеша от сообщества ООН. – Худой усатый казах в полковничьей форме передал президенту лист бумаги с гербом Объединенных Наций на нем.

– Спасибо, Абылай. – Надев очки, президент поднес лист к глазам и вчитался в текст.

«От лица цивилизованного сообщества ООН.

Мы требуем отставки правительства Казахстана, обнаружения материалов о водородном ОМП и выдаче данного ОМП ООН...»

Нурсултан Абишевич устало усмехнулся и обтер с лица липкий пот. Дождался... и ведь догадывался, что в ближайшие годы что-то будет. Ведь знал, что это докатится и до Казахстана... Хотя... что можно было сделать?

«При попрании нашего заявления Казахстан будет подвергнут режиму «политической изоляции» до момента захвата его миротворческими силами США. Страны ...»

Дальше шли подпись лидеров стран, состоящих в ООН. Проведя по ним взглядом, Нурсултан Абишевич зацепился за строчку, относящуюся к России: *«Кабинет Правления Российской Федерации...»*

Значит – все. Значит, больше ничего нет. Значит, просто дальнейшая борьба бесполезна. Президент взял именной «Паркер», листок бумаги, вывел строчку: «Приказ о капитуляции войск...» Потом последовал «Отказ от президентства...», а потом Нурсултан Абишевич достал из ящика стола пистолет.

Блицкриг США завершился успешно.

Компания РосДератизация. Российская Федерация

*Так что – сам выдавай решения,
А не то, что тебе твердят...
А будешь спрашивать разрешения —
Обязательно запретят!*

В. Третьяков

В 10.00 по Москве – через час после начала рабочего дня – мэр Воронежа Василий Григорьевич Шукаев понял, что ему хочется убить своего референта.

Не просто убить, а свалить на пол ударом в ухо и пинать итальянскими туфлями, пока тот не подойдет. Желательно, чтобы это был долгий процесс.

Но убить похожего на хомячка молодого человека не представлялось возможным по ряду причин, главной из которых была дикая головная боль, терзавшая Шукаева после вчерашней глобальной попойки в банях. Смутно вспоминались голые девки, свой собственный кулак, смачно впечатывающийся в морду Паолизи (генерального комиссара ООН в области), и чей-то надрывный крик: «Какую страну просрали, уе... ки!» Гм... похоже, он сам и орал... и, кажется, не один... Но, судя по всему, вчерашняя катавасия так и пойдет на тормозах...

«А что им еще делать, – иронично подумал Шукаев, морщась от попискивающего голоса референта, который вещал что-то о программе реституции... или проституции?.. Нет, с «программой проституции» припрется через час Бэлла Асхатовна Гурбер – что-то насчет полового воспитания в школах...» Василий Григорьевич поморщился и рыгнул.

– Простите? – изогнулся вопросительным знаком хомячок.

– Ничего, продолжай, – махнул рукой мэр.

Хомячок затрындел снова. Чего ж мне так хреново, подумал Шукаев. Раньше и больше пил. А тут как будто кошка в рот нагадила. Или не в рот? А куда? В душу, что ли? За что он Паолизи-то двинул? Либо не за хрен – просто под руку подвернулся... мурло евросоюзное, не в обиду итальянцам...

Да, ничего они не сделают, вернулся он к прежним мыслям. Ну снимут они его. А кого поставят? Шукаев скривил губы. Еще при «независимости» среди чиновников людей, на самом деле умеющих делать дело, не осталось почти совсем. А уж за последние недели... Весь аппарат – либо полные придурки и ворюги, готовые теперь обкрадывать и новую власть с меньшим рвением (как этот вот хомячок), либо полные придурки, но восторженно и искренне целующие в зад «комиссаров», «инспекторов» и «советников» (вроде той же Гурбер, которая и правда считает, что к десяти годам все девочки должны попробовать секс в целях правильного развития). Неизвестно, кто хуже, но ни те ни другие работать не умеют».

Василий Григорьевич вздохнул. Ох тошно-о-о-о... А может, и снимут. Ни одна программа ООН в области толком не работает. Деньги – что из Москвы, что целевые – разворачивали почти начисто (ну да, ну и он украл... немного, ну и перевел на Мэн – ну и х...й ли?!). Снимут – жену под мышку и туда. На Мэн.

А чего-то не хочется мне на Мэн, угрюмо резюмировал мэр. Хрен знает, чего хочется. Рассолу, что ли? Или правда этого типчика завалить сейчас, а потом сказать, что он на мэра с шилом бросился... Или вообще ничего не говорить, а самому потом взять и на хер застрелиться. То-то будет смеху! Записку оставить... как Маяковский. «Жил грешно – и умер смешно!»

– Ты Маяковского читал? – оборвал мэр доклад референта. Тот поперхнулся словом «идиосинкратический», секунду пялился на шефа выпученными глазами (став похожим на

обгадившегося хомяка), потом, очевидно решив, что шеф пошутил, вежливо хихикнул и продолжал:

– Таким образом, план вывоза детей из неблагополучных семей буксует. В первую очередь не разработаны критерии неблагополучия. Госпожа инструктор Шмальц предлагает взять за таковой...

– Пошел на хер! – прервал тошнотный словопонос Шукаев. – Потом свою бздень дочитаешь. Там ждет кто-нибудь, в приемной?

– Господин Ярцевский, – референт на начальство ничуть не обиделся. А Шукаев вдруг подумал: попробовал бы с ним кто-нибудь вот так говорить в этом возрасте – хоть секретарь обкома. С ним, комсомольским вожаком Васькой Шукаевым, целинником...

Стало так гадко, что Шукаев не сразу понял, какую фамилию назвал референт. А когда понял, что имеется в виду известнейший адвокат-консультант, то удивился:

– Димка? Он же вроде куда-то уехал перед всем этим... Давай зови. Срочно зови.

Ярцевский вошел, видимо не дожидаясь официального приглашения, – едва дверь закрылась за референтом. Элегантный, как всегда, с коротко подстриженными светлыми усиками, в костюме от Армани, пахнувший «вежеталем» – словом, совершенно такой же, каким Шукаев привык его видеть. «Да уж, – подумал мэр с отвращением, – это добро, адвокатишки, ни при какой власти не пропадут...»

– У вас ко мне дело? – спросил мэр отрывисто.

– И очень важное, Василий Григорьевич! – сверкнул белейшей улыбкой Ярцевский.

* * *

Странно, но город мало изменился. Это было даже поразительно.

Ну, стал громче и показушней смех молодежных компаний. Появились новые вывески, а многие из старых были заменены на такие же, но на иностранных языках. С гербов на «присутственных местах» исчезли короны, а сам орел стал окончательно напоминать бройлера-мутанта. Ярче и наглей стала реклама, среди которой тут и там попадались плакаты пропаганды контрацепции и «ознакомительных поездок для детей из нуждающихся и социально неблагополучных семей» за рубеж, стикеры гей-клубов и клубов бой- и геллаверов, рейв-пати, адреса аптек, где продаются «легкие» наркотики...

Но в целом это был все тот же Воронеж. Поразительно – на местном здании Союза казаков России сохранились вывески, только прибавилась еще одна: большой красочный плакат с фотографиями и символикой казачества призывал «господ казаков» записываться в ряды Казачьей мобильной дивизии ООН (защита интересов свободного человечества, престижная служба в экзотических районах земного шара, оплата – 2000€ в месяц + надбавки и льготы).

Первое, что Юрка Климин – а он бродил по Воронежу уже час из времени, отпущенного высадившимся в разных местах города, – осознал как полностью выбивающееся из привычного образа, было здание кадетского корпуса. Металлическую ограду демонтировали. На плацу стояла техника, во многих местах шли какие-то работы, а крайний слева подъезд – уже отремонтированный – украшала надпись:

ДЕТСКОЕ

МОДЕЛЬНОЕ АГЕНСТВО

«ПАРАДИЗ ЭКСТРА»

Юрка не задержался бы. Но на другой стороне улицы под тополями стояли кучкой семеро мальчишек. Они были разного возраста – от 12–13 до 15–16 лет, и непохожие. Один рыжий и веснушчатый, бледнокожий. Один – явно нерусский, с косоватой прорезью глаз. Еще один – просто темноволосый, коренастый. Четверо других – русые, гибкие. В общем, непохожие... и похожие чем-то неясным.

Климмин подошел...

...Они и до этого стояли молча, только глядели на ремонт (или разорение?) корпуса. А теперь разом повернулись в сторону приближающегося молодого парня. И не сводили с него глаз. Такое смутило бы и взрослого. Но Юрка спокойно остановился рядом и спросил:

– Закурить есть?

Ему молча протянули две пачки. Юрка затащил, прикурив от извлеченной зажигалки, предложил огоньку еще двоим. Дымили теперь трое. Юрка кивнул на корпус:

– Учились тут, что ли?

– Угу, – буркнул рыжий. Юрка пыхнул дымом:

– Ясно... Радоваться ходите?

Семь пар глаз скрестились на нем, как взгляды через прицелы. Один из куривших – самый старший – шевельнул углом все еще по-детски пухлых губ и сказал:

– А то ж... Радует. В себя прийти от радости не можем.

– Ты чего? – враждебно проронил нерусский, глядя на курящего приятеля. Его пихнули в бок – неясно даже, кто.

– Что, только семеро радуются? – Юрка запулил бычок в урну. Все проследили полет бычка глазами.

– Раньше ввосемером радовались, – сказал рыжий. – Пока Тимку не забрали.

– За что? – удивился Юрка.

– Бутылек с бензином в ментовозку бросил, когда знамена и портреты вывозили, – ответил самый младший.

Они замолчали. У Юрки от непривычной сигареты першило в горле.

– Куда вывозили? – спросил он наконец.

– Куда, – усмехнулся рыжий. – На свалку. Куда.

– А вас сколько в корпусе училось? – Юрка повел глазами. Все семеро снова посмотрели на него.

– Много, – сказал куривший старший, тоже бросая окурочек. – Построили всех и заявили: по домам, ребятки. Офицеры больше государству не нужны. Ну и разошлись все.

– Все? – уточнил Юрка.

– Григорий Павлович в кабинете застрелился, – тихо произнес младший мальчишка. – Наш начальник училища...

Глаза опустились. Все семь пар.

– Во дурак! – засмеялся Юрка.

– А в рыло? – поднял голову нерусский. Юрка сунул руки в карманы.

– Да бей. А только раньше что? Тут-то вы смелые – семеро на одного, чуть постарше вас, оружия нет... А как этому Тимке, слабо? Будущие офицеры плюс воспитатели в погонах... Два мужика на весь корпус оказалось. И оба дураки вдобавок.

Они молчали. И опять все смотрели на асфальт под ногами.

– Форму-то куда дели? – с насмешкой спросил Юрка. – Тоже... на помойку?

– Мы потом знамена и портреты... – начал младший. Его опять толкнули.

– Подобрали и спрятали до лучших времен? – голос Юрки был издевательским. – Вон оно, ваше лучшее время, – он кивнул на вывеску. – Там ваших девчонок как – в трусиках фоткают или без? Или вы сами туда ходите?

– А что мы... можем... – еле слышно прошептал старший. Совсем детским голосом.

А потом Юрка увидел, что на светло-сером асфальте у ног двоих – младшего и еще одного, постарше, который тоже курил, – черными звездочками разбиваются капли. Еще и еще...

– А автоматы из оружейки расхватать слабо было? – не щадил их Юрка, понимая, что нашел **тех, кого нужно**. – Что, это не на плацу сапогами бухать и песенки про Россию орать?

– Я же говорил!.. – вскинулся рыжий. Но старший тоже поднял голову:

– В Рязани, в кадетском, некоторые расхватали. И что? Сожгли всех ракетой. А кто выжил – вывезли куда-то. Даже мальков совсем, с первого курса. А училище десантное и вовсе без шума разошлось... взрослые парни...

– Тогда валите отсюда, – презрительно произнес Юрка.

И они – все семеро – повернулись и покорно побрели прочь.

Этого Юрка не ожидал.

Но не ожидал он и того, что произошло потом. Младший из мальчишек вдруг развернулся и горько заявил:

– Если бы мы знали... как это будет... как вот тут будет... – он мучился словами, как раскаленными отливками, мазнул себя по груди. – Пусть бы и нас сожгли! Мы бы не ушли! Но мы же не знали! Мы не знали!!!

И Юрка увидел вдруг, какое тоскливое горе в глазах у всех семерых.

– Есть два «макара», шесть полных обоям и три эргэдэхи, – сказал он. – Бесплатно. Поговорим дальше? Или пойдете знаменами слезки утирать?

Они – семеро – качнулись к нему.

* * *

Никитка и Илюха купили себе мороженое на углу – напротив здания, возле которого группками и поодиночке толпилось человек сто, не меньше, ребятни в возрасте от 7–8 до 13–14 лет. Оба они бывали в Воронеже раньше, кроме того, Земсков-старший их обоих подробно проинструктировал, когда «подрастающая смена» высыплется из фермерского пикапчика на Московском, около забранного лесами и закрытого строительной сеткой Мемориала. Поэтому мальчишки хорошо знали, куда идти, и сейчас наблюдали, лениво облизывая мороженки, как пацаны и девчонки нет-нет да и заходят внутрь. Остальные в такие моменты притихали. Среди стоящих около здания было много явных беспризорников и вообще неухоженных детей. Они как-то очень резко контрастировали с плакатом над входом: ооновский флажок, ниже – на зеленой лужайке перед домом стоят и дебилно улыбаются Мужчина, Женщина, Мальчик, Девочка и Собака, навстречу которым двое дебилно улыбающихся существ среднего пола ведут дебилно улыбающегося русского ребенка. «ОБРЕТИ ДОМ!» – гласила подпись ниже.

Мимо ребят прошли двое пацанов немного постраше их самих и девчонка – примерно ровесница. Остановились на краю тротуара.

– Ема, сколько-о-о... – протянул один из пацанов. Второй вздохнул:

– Ну это... говорят, всех возьмут. Постоим, чего, привыкать, что ли?

– Мальчишки, – нервно проговорила девчонка, – пойдете отсюда, мальчишки. Не нравятся мне тут.

– Не ной, – грубовато, но ласково сказал первый из пацанов и, обернувшись, чтобы утешить – подружку? сестру? – увидел флегматично лижущих мороженое Никиту и Илью. – А вас чего, не взяли? – кивнул он. – Или вы еще не ходили? – Видно было, что и он нервничает, поэтому и заговорил с младшими ребятами.

Пацаны переглянулись. И захихикали (отрепетировали).

– А мы там уже были, – хрюкнул Никитка. – Нас аж до бывшей хохляцкой границы довели.

– И чего? – Все трое подошли к мальчишкам, девочка держалась за спинами своих спутников.

– И ничего, сбежали, – пожал плечами Илюха и ткнул ей мороженое. – Хочешь? Держи.

– Сбежали? – недоверчиво спросил второй пацан. – На хрен, ой, зачем, то есть?

– Совсем лошки, что ли? – усмехнулся Никитка, и старшие, ошарашенные таким обращением, не двинули наглому мелкому по шее, а продолжали слушать. – Вы хоть знаете, что это, – он кивнул на плакат, – за контора?

– Ну это, – пожал плечами первый. – Переселять детей. Беспризорных. В семьи там, в Америку... На усыновление.

– Лошкиии... – протянул Никитка, и Илья толкнул его локтем:

– Да ладно. Мы сами-то... – И повернулся к троице: – Никакое это не усновление, я вам говорю! Ни в какие семьи никто и не попадает. Прямо сразу вывозят поездами в Италию, оттуда морем в Бразилию – и там кого куда. Кого на плантации, кого е...ться заставляют, а кого на эти – на органы кромсают. Да уже в поезде все ясно было, уже там все делали. Нам повезло, охранник клювом прощелкал, мы под вагоны...

– Мальчишки, я же говорила! – вскрикнула девчонка, хватая своих старших спутников за запястья и роняя мороженое. – Пошли отсюда скорее!

– Да врешь, – пробормотал второй пацан.

– Да поезжай, я чего, мешаю, что ли? – пожал плечами Никитка и облизал пальцы. – Все равно всем пипец, что тут, что там. Я просто не хочу, чтобы мне очко порвали. Лучше как-нибудь тут...

– Ага, тут... – вздохнул первый мальчишка. – Тут и раньше... а сейчас вообще... менты озверели, тащат прямо в зону, а оттуда, говорят, как раз на такие дела точно отправляют...

– А ты лохом не будь, – посоветовал Никитка. – Валите из города подальше. Места много. Проживете.

– Мальчишки, пойдете! – умоляла девчонка, оглядываясь на очередь, как будто оттуда сейчас мог появиться людоед и схватить ее.

– Да, валим, – решил первый пацан. – Верней... это... – Он посмотрел на своего спутника. – Дим, ты уходи на наше место, а я сейчас с ребятами перетру... – он тоже оглянулся на очередь. – Вон же Семыч стоит... и Артурка со своими мелкими...

И он решительно зашагал к очереди. Второй мальчишка – Димка – удержал рыпнувшуюся следом девчонку и посмотрел на Никитку и Илью.

– А вы чего делать будете? – спросил он.

– А не знаем пока, – ответил Никитка. – Может, тоже куда, в какую деревню, уйдем. А может, еще чего придумаем...

– Чего тут придумаешь? – вздохнул Димка. – Вон как все... плохо. Я, по правде, и не думал, что в семью возьмут, – признался он. – Вон я уже какой лось здоровый... Думал, может, хоть работать где в поле или еще где...

– Е-мое! – фыркнул Никитка лихо (девчонка укоризненно на него посмотрела). – А что, у тебя руки и голова только в Америке работают? Из-под палки на пиндоса ты работать будешь, а на себя – обломись?.. Ну ладно, мы пошли, давайте...

...Когда Никитка и Илья уже прошли полквартала, Илья толкнул приятеля локтем:

– Глянь.

Они обернулись.

От очереди тут и там отрывались одиночки и группки – и исчезали в улицах.

Их было немного.

Но они – **были**.

* * *

К Союзу казаков России Верещаев добрался сильно за полдень.

Он помотался по городу, заглянул в пару книжных магазинов, где спрашивал, есть ли последний сборник речей Обамы, и один раз поднял скандал, когда ему сказали, что пока не завезли; пошел возле «Спартака», с энтузиазмом размахивая выданной бесплатной банкой пива – «Овиплакосс – бухай во имя добра!» (присутствующие пели «шагай во имя добра», но за общим ревом и разжигалкой полуголых тинейджеров с импровизированной сцены его разночтения никто не услышал...). Потом полез фотографироваться с двумя попавшимися навстречу наемниками из охраны газопровода, рассыпаясь в похвалах демократии на отвратительном английском и призывая всех вокруг быть свидетелями того, как он рад наступившей эре порядка. Наемники терпеливо улыбались – народу вокруг было слишком много, русский глуп и назойлив... Они даже согласились сфотографироваться в обнимку с этим идиотом. Мальчишка, которому Верещаев сунул свой цифровик, не дрогнул, когда увидел, как придурковатый мужик пристроил над головами наемников «рога» из пальцев. Остальная собравшаяся публика тоже лишь прятала улыбки.

Верещаев любил издеваться над дураками и в мирное время, а сейчас это взбадривало нервы. Это было особенно нужно перед предстоящим визитом.

В холле Союза сидели пятеро донцов в полной форме, двое – с пистолетами в кобурах. На вошедшего они уставились совершенно без выражения на лицах. Один пожилой, двое – молодые мужики (с пистолетами), двое – пацаны лет по 16–17. Роднили казаков похмельные глаза.

– Здоров дневали, казаки! – бодро поприветствовал дежурных Верещаев. Те ответили вяловатым «Здоров дневали». – А как бы мне атамана Щупака повидать?

– Сняли Юрия Сергеевича, – сказал тот, что постарше.

Это был удар. Но Верещаев лишь поднял брови:

– О как. За что ж?

– За русский фашизм, – объяснил тот же. Верещаев хмыкнул:

– А, ну да, это правильно. А вы чего сидите?

– А чего нам делать? – буркнул один из «пистолетчиков».

– А-а-а-а... – с непередаваемой интонацией протянул Верещаев. – Ну тогда я пойду, бывайте... МУЖИКИ, – и, кивнув, вышел наружу.

На улице самообладание ему несколько изменило – он залепил шепотом такую матерную тираду, что сидевший сбоку от входа бомж удивленно поднял брови и явно передумал кланчить денег. Но внимания мат и злость не притупили – через сотню шагов Верещаев обнаружил, что за ним «по своим делам» идут те двое казачат.

– Угу, – человеконенавистнически буркнул экс-писатель на ходу. Он и правда был очень зол. И рассеянной походкой побрел туда, где было меньше людей – в Петросквер, а оттуда – в Фабричный переулок...

... Завернув за угол переулка, парни буквально налетели друг на друга и замерли. Верещаев стоял в каком-то метре перед ними, держа в руке у бедра «ПМ».

Переулок был пустынен.

– А ну, стой, – произнес он мирно. Вздыхнул и продолжил негромко: – Ребятки, вы за мной не ходите и не бегайте, не надо. А то ведь я рассержусь и шлепну вас прямо возле божьего храма, – он чуть кивнул на купола за деревьями, – некрасиво как-то выйдет, правда? И не надо шутить, – его голос стал почти ласковым, – вы по сравнению со мной котятки рядом с бирюком. Идите своей дорогой, а я пойду своей...

Замешательство на лицах казачат сменил испуг, который потом вдруг переплавился в решимость.

– А мы вас... – начал тот, что постарше, с типичным чубом из-под фуражки. – Мы вас узнали. Вы писатель.

– Я узнал, – тихо добавил второй, ниже ростом и хлипче. – Я ваши книжки читал... Вы Верещаев. Ольгерд.

– Ну я Верещаев, Ольгерд. – Верещаев не убирал пистолет. – Дальше что? Кстати, казачатки, придется мне вас и правда шлепнуть обоих, раз уж мы так хорошо знакомы...

Парни чуть попятнулись, но остались стоять.

– Мне ваши книжки нравились... нравятся... – по-прежнему тихо сказал второй. – И мне, и Андрюхе, – он кивнул на чубатого, – хотя он мало читает. Ну и мы подумали... не может быть, чтобы вы... тоже...

Верещаев посмотрел в глаза обоим парням. Одному. Второму. Одному. Второму.

– Идите, – буркнул он, убирая пистолет. Казачата дернулись... и тут же Андрюха спросил растерянно и сердито:

– И чего – все?!

– Ишь ты, – непонятно произнес Верещаев, – их живыми отпускаешь, а они еще чего-то хотят...

– А нам, может, неважно – живыми или как! – запальчиво выкрикнул казачонок.

– Ну и дураки, – мирно возразил Верещаев. – На вашем месте я бы карьеру делал. Вы молодые. Вам новая власть будет доверять. Чего еще-то.

– Ах ты... – багровея, Андрюха шагнул на поднявшего брови Верещаева. Но его приятель поймал разъяренного казачонка за руку:

– Стой, погоди... Карьеру? – он чуть прищурился. Верещаев кивнул:

– Ее, родимую.

– Пошли, Андрюх. – Младший казачонок потянул за собой рвущегося в бой старшего.

– Да куда пошли, ты что, не слышал... – рвался тот бить морду иронично следящему за ним мужчине.

– Это ты ничего не слышал, дундук, – тихо сказал младший. – А что слышал – того не понял, я тебе потом объясню, по дороге... – и махнул рукой Верещаеву: – Мы пошли. Карьеру делать. А вы проследите за ней?

– Да уж как-нибудь, – лениво ответил писатель. И мальчишеским шагом – пружинисто и легко – зашагал дальше по переулку...

... Неожиданно выяснилось, что Щупак дома не один. В мягком кресле около низенького стола сидел и пил кофе тощий длинный молодой мужик с козлиной бородкой. Увидев Верещаева, бородатый невероятно оживился и несоразмерно густым басом изрек, приветственно поднимая чашку:

– Здрав буди, словоблуд языческий.

– О как. – Верещаев, остановившись на пороге, склонил голову набок. Щупак, хмыкнув, обошел его и плюхнулся в другое кресло, сделал приглашающий жест к третьему, но Верещаев покачал головой и продолжил: – Это за что ж вы меня так, батюшка Георгий?

– А что, истина глаза колет? – осведомился бородатый. И тяжело вздохнул: – Да только не батюшка я ныне. Расстрижен еси...

– Это за что же? – вкрадчиво и непонятно уточнил Верещаев. Экс-священник потупился, а Щупак не без удовольствия сообщил:

– За проповедь, произнесенную перед пришедшими с визитом дружбы функционерами ООН. Жорка почтил их словами...

– ...О Господи, Господи, многогрешен и окаян... – пробормотал бородатый. Щупак невозмутимо продолжал:

– ...«Мудозвонное собрание», «кимвалы пустоголовые», «смрадь вавилонская»... Но особенно запомнилось мне окончание речи, озаменованное блестящим эпитетом «офедроном ослиным рожденные».

Верещаев захохотал – искренне и громко. Щупак тоже смеялся. Экс-священник снова вздохнул и, подняв голову, пояснил:

– Зол был и пламенем пыхал... А кто их, между прочим, – перешел он на нормальную речь, – заставлял закрывать церковный приют? Мол, «мракобесное и ортодоксальное воспитание, не соответствующее реалиям свободы личности». Приют-то помнишь? – уточнил он у подобрывшегося Верещаева.

– Еще бы ему не помнить, ты ж его два года назад оттуда кадиллом изгонял, – усмехнулся Щупак.

Верещаев отрывисто и серьезно спросил:

– Дети где?

– Далеко, – вздохнул священник, – однако не в тех местах, куда их эти паскудцы отправить хотели, – и неожиданно подмигнул Верещаеву, но тут же перекрестился и потупил глаза.

– А самое главное, – продолжал Щупак, – что на следующий день Жорка, чтобы доказать бессилие расстрижения, публично проклял новенький гей-клуб на набережной. А ночью клуб чего-то сгорел...

– Ай-ай, как же вы так? – осуждающе покачал головой Верещаев, пристально глядя на священника. – Может, вы и в непогрешимость ООН не веруете?

– Не верую, – сокрушенно вздохнул тот. Верещаев уточнил:

– А вот... перевалочную базу, например, проклясть не пытались?

Священник посмотрел в глаза писателю.

– Да пока нет... – медленно начал он. – Вот сил у Господа намолю – глядишь, и проклянущу...

– Ну, тогда плесни-ка мне кофейку, атаман, – обратился Верещаев к Щупаку, садясь в кресло. – Говорить будем.

* * *

– «...и учредить компанию по борьбе с грызунами, именуемую ниже РосДератизация». – Шукаев поставил свою подпись. Ярцевский благосклонно наблюдал за процессом из кресла. Когда мэр отложил ручку, бывший адвокат спросил с искренним интересом:

– А вам не страшно, Василий Григорьевич? Прослушки тут нет, так вот прямо и скажите – не страшно?

– А вам? – угрюмо посопев, поинтересовался мэр.

– Мне? – Ярцевский покачал головой. – Нет. Я несколько выше этого примитивного чувства.

– А мне страшно, – честно признался мэр. – Но если уж по-другому, то тоскливо. Так, что в петлю. Лучше пусть страшно. Чем, как три дня назад, когда я подписал... мемориал наш – на ремонт, значит. Проще – под снос... – Он вздохнул: – Простится ли?

– Нет, – покачал головой Ярцевский и стал серьезен, поднялся. – Никому из нас не простится, Василий Григорьевич. И не прощения надо искать, а искупления добиваться. Всего хорошего. Значит, встречаемся, как договорились, а офис... офис я найду, дело привычное.

Мэр задумчиво кивнул и проводил взглядом вышедшего Ярцевского. На секунду Шукаева вдруг охватил настоящий страх, от которого остановилось сердце. Что он наделал?! Правительство... армия... все государство... а он, старый дурак, как под гипнозом... сейчас вломятся...

Он перевел дух. Лицо пожилого чиновника вновь сделалось угрюмо-упрямым.

Нет. Он не жалел о своей подписи и своих словах. Он – Васька Шукаев, и пусть он так и останется им – Васькой Шукаевым, а не разжиревшим «старостой» на побегушках у ооновской сволочи.

«И еще поглядим – кто кого», – вдруг ясно и отчетливо подумал мэр.

Ярослав Найменов. Казахстан

- Давай работай, негр! Солнце еще высоко!
- Сам ты негр! И это не солнце, а луна. Тем более ущербная.
- А тебе не все равно?
- Все равно.
- Значит, работаем!

Прекрасный сумрак, стоящий в забитом коробками бомбоубежище, нарушал наш тихий с Владом разговор, который мы вели, перетаскивая коробки с тушенкой. Это была уже четвертая загрузка за полтора часа – вдвоем работа спорилась.

Честно говоря, Влад пошел со мной не только из дружеских отношений (хотя большей частью из-за них). Узнав, что я хочу обнести склад, сначала он расхохотался. Но когда я привел его в школу и разъяснил суть дела буквально на пальцах, Влад сразу же согласился помочь. Хотя бы потому, что он рассчитывал забрать оттуда пару ящиков пива. И еще что-то, я не запоминал.

Тушенка уже почти закончилась – я тащил последний ящик. Соль, спички и прочее я перетаскил вместе с тушенкой. Больше ничего из склада я решил не брать. Во всем надо знать меру.

И как это ни странно, – «сникерсы». Да-да, те самые батончики шоколада. Несмотря на всю кажущуюся глупость, «Сникерс» – это достаточно питательная штука. К примеру, гораздо позже, спустя много лет после этого события, я выпью пива с человеком, который сбежал из переправочного лагеря и, проведя три недели с лишком в пустыне (дело было в Ираке), выжил лишь благодаря нескольким «сникерсам», отобранному у жиртреста-охранника.

А сейчас я нагружал садовую тачку коробками с тушенкой.

– Яр, а на хрена тебе столько консервов? – Влад тяжело сел на холодную ступеньку крыльца и положил на колени воздушку, которой я его... пусть будет «вооружил».

В коробке тихо сталкивались боками полные банки.

Я положил ее на несколько таких же.

– Последняя! – Тушенка действительно кончилась.

– И все?

– Ну пока да. А далее будет видно. А ты только пиво заберешь?

– А что еще? Мне больше ничего не надо... батя вон давно запасся харчами. Картошка, соленья, варенья....

Я пессимистично хмыкнул.

– Ну, дело твое. Хотя значил бы ты лучше хоть пару коробок... мало ли. Ведь не одни мы такие ушлые – кто-то и по вашу душу придет. Много людей знает о том, что у вас картошки до хрена?

– Хех, пугаешь? – утробно хохотнул Влад.

– Да нет, предупреждаю. Ты что думаешь, зря, что ли, нас бомбили? Да я зуб даю, что дня через три... ну, через неделю максимум к нам пиндосы придут. А там уже кто знает, что будет? Посуди сам, лучше сразу заpastись всем, что обломится, чем потом куковать с голым задом.

– Бля, Яр, забей. Это мое дело.

– Ну я же говорю – как знаешь.

До дома мы шли молча. К калитке подошли почти на цыпочках – Влад тихо открыл ворота.

Проходя в дом, я даже не разувался. Управлялись мы на удивление быстро.

Владу было глубоко наплевать на все мои идеи и планы. Он просто жил сегодняшним днем... Кстати, это не есть самая плохая стратегия. Мне казалось, что ему уже часа полтора как надоело мне помогать.

На часах было полвторого.

– Пошли дальше? Или посидим полчаса, бамбук покурим? – предложил я.

– Давай!

Влад рванул первую попавшуюся под руку коробку и достал оттуда две банки тушенки.

Насколько я знаю, тушенка в банках уже готова к употреблению. Но для пущей вкусности ее лучше предварительно или сварить, или обжарить, прям из банок ее не всякий съест. Я, к примеру, ел. Влад поначалу корчил недовольные рожи, однако потом перестал валять дурака и сосредоточенно заработал вилкой.

– Не очень. Но жрать можно! – буркнул он, когда его вилка уже заскребла по дну банки.

– Тебе можно жрать все, начиная с тараканов и кончая слабительным....

– Хех! – Влад гордо похлопал себя по внушительному брюху. – Есть чем запить?

– Перетопчешься. Кто-то, по-моему, хочет спи...дить ящик пива – на складе хлебнешь чего-нибудь. Пошли! Время не ждет!

И снова по знакомому маршруту. Назад мы шли тихо – мало ли что. Стукачей всегда хватало, тем более в такое шибанутое время.

– А ты не боишься, что про это узнают? – Влад определенно не мог молчать больше пяти минут.

– Боюсь, – признался я. – И что? Предлагаешь тащить то, что мы притащили, назад?

– Да не, я-то что? Просто кажется, что....

– Когда кажется – креститься надо. Узнают – не узнают. Мы же не самое ценное взяли.

Как я говорил, тушенка кончилась, ее было не очень много. Зато водки и пива.... Я загрузил несколько коробок, одну взяв себе. Сам не знаю зачем, наверное, неловко было уходить с полупустой тачкой.

– Еще вернемся?

– Лично мне больше ничего не надо, я все забрал, – ответил я. – Но ясный хрен, с тобой я вернусь. Много будешь брать?

– Коробки три-четыре! – ухмыльнулся Влад. – Ну и еще что-нибудь. Типа чипсов.

– И охота тебе желудок поганить?

До рассвета оставалось больше пяти часов, и я успел проводить Влада до дома и даже распить с ним пива. Однако отдыхать мне было некогда, все то добро, что я привез, надо было очень хорошо спрятать.

Вообще, так вот очень часто выдавали себя недогадливые мародеры. Нельзя затариваться полностью всем – иначе «любимые» соседи будут просто обязаны подумать: «А чегой-то наш друг харч-то со стороны не носит? А мусора вытаскивает, как после роты едоков. Не иначе как заначил!» – после чего ненавязчиво так будут клянчить. Типа дай добром, а то заберем кулаком. И хрен с ними поспоришь – не отберут, так начнут трепаться где не надо. А-ля не вам и не нам.

Конечно, я запасаю далеко не всем, чем надо было бы. Только продовольствием, ну и, конечно, одной из старинных универсальных бартерных единиц, водкой то бишь. Можно подумать, будто никто никогда не платил соседу-слесарю парочкой пузырькой за то, что тот в рабочее время чинил вам трубу.

Остальное придется добывать по-другому... Как?.. Задача почище тригонометрической. Ну и черт с ней – у меня слишком много дел.

– Ярослав. Зачем ты взял... это?! – Мама брезгливо показала на выгруженные коробки с водкой.

– Пить буду!

– Не ерничай!

– Все, сдаюсь! – Я шутливо поднял руки вверх. – Помнишь, ты попросила одного мужика нам поленницу порубать? Ну я тогда еще болел. Чем ты расплатилась?

– Ну-у....

– Ага. Вот и я о том же. Иди спать, мам, дальше я сам.

В сарае был взят лом, лопата и небольшой, но тяжелый и крепкий гвоздодер. Из кладовки – несколько коробок и очень много старых дырявых полиэтиленовых пакетов.

После этого я перенес все коробки к люку в погреб, который был предусмотрительно открыт. Я решил выдолбить в земляном его полу средней глубины тайник.

Всю тушенку я туда прятать не собирался – только большую часть, в свободном доступе я хотел оставить ящика так два. Но даже оставшийся харч прятать именно сюда не стоило. Прятать все в один тайник глупо, опрометчиво и опасно.

Вообще, я делал самый легкий в смысле изготовления тайник. Вырыл нужной глубины яму, обложил дно полиэтиленом, застелил коробками. Банки тушенки заворачиваются в полиэтилен и укладываются в эту яму. Между ними и на них насыпается земля. Потом на пакеты с банками ложится кусок картона, так, чтобы их закрыть. Все это счастье опять засыпается землей, которая, в свою очередь, утрамбовывается. Это самый ценный харч – поэтому он помещен во второе дно.

На нехилый слой утрамбованной земли я снова положил еще одну картонку и положил туда водку. Вот на что спору – любой, кто найдет это, дальше рыться не будет.

С первым тайником было закончено. Оставшуюся еду я распределил по углярке (зарыл в шлак) и сараю (закопал в мусор на чердаке), оставив у себя лишь самое необходимое.

После этого осталось лишь тщательно закрыть ворота и двери, положить рядом с кроватью подушку с учебным автоматом и наконец-то лечь спать.

Из-за множества весьма насыщенных событий мне достаточно часто снился всякий психодел. Подростковый мозг, обладатель которого взвалил на него совсем не подростковые задачи, просто не мог иначе выместить всю полученную гамму эмоций. Это, конечно, не сублимация и не либидо-мортидо, но что-то близкое. Вообще, мне всегда такое снится, сколько я себя помню. То паук с головой человека восклицает: «Человек – ты животное!» То какой-то старик сжигает непонятные картины. Каждому хоть раз снились такие сны – они очень противные. Ты сам толком не понимаешь, что в них такого, за исключением полного абсурда, конечно. Но проснувшись, еще долго невозможно отделаться от ощущения грязной кожи и каши в голове.

На этот раз мне снилась ни много ни мало – гигантская банка тушенки, граненый стакан и вилка. Хотя бы в тему.

На сны слишком много внимания никогда не обращал. Никогда не принадлежал к людям, которые ищут в них всякие предзнаменования и прочее. Искать в психоделических замутах крупицу истины – по-моему, это глупо.

Открыв глаза, я пару минут пялился в потолок и просто ни о чем не думал. От данного увлекательнейшего времяпрепровождения меня отвлекло легкое покашливание мамы и звук включающегося телевизора.

– Ярик, вставай. Кушать будешь? – Она выглядела хорошо. На удивление безмятежно. Взгляд моей мамы лучился лаской и... наверное, это можно назвать уважением. Восхищением.

– Только чай.

– Хорошо.

Я потянулся, поднялся с кровати и не спеша натянул легкие шорты.

Все бы ничего, но мое внимание привлекла странная заставка по телевизору – орел с белой головой и с лавровым венком вокруг него. Обычно изображения таких орлов я видел только в американских фильмах. На часах было 6.53. До обычного начала трансляции остава-

лось семь минут, во что бы то ни стало я решил дожждаться. Американская заставка. Настораживает. Не в том смысле, что я этого не ожидал, а в том, что внушает опасения.

– Ярик! Готово!

Из кухни доносился запах крепкого чая. Нацедив себе здоровенную кружку аж с пятью ложками сахара, я вернулся к телику. Время терпело. Попивая чай, я опять глянул на часы. 7.01. Как раз в этот момент из мощных колонок телика громыхнула какофония звуков. Причем так, что я пролил чай себе на ноги... правда, мне было уже не до этого – какофонией звуков оказался американский гимн – качество было паршивым.

Картинку сменил вид главной улицы Астаны, по которой маршировали солдаты.

– *Вчера, 22 июня, в 23 часа 47 минут, диктатором Нурсултаном Абишүлы Назарбаевым был подписан Акт капитуляции и выдачи миротворческим войскам США оружия массового поражения водородного типа.* – Голос невидимого диктора заглушил торжествующий рев чужестранного гимна. – *Сам Нурсултан Назарбаев ненадолго пережил Акт капитуляции – уже через несколько секунд сознательный член палаты министров совершил на него покушение, которое увенчалось успехом. И сегодня, в этот знаменательный день, народ Казахстана может забыть о попирающем его тиране. Его больше нет.*

К трибуне с семью микрофонами подошел мелкий, очень смуглокожий казах.

Временно Управляющий Кабинетом Правления РК – высветилась табличка на экране.

– *Этот день станет великим днем в истории Казахстана!* – быстро и горячо затараторил он. – *Нет, не того Казахстана, который вынужден был прозябать при Назарбаеве! Этот день и этот час будут знаменовать собой появление на карте мира нового государства – Республики Тюркских Народов!*

Ну тут все ясно... азербайджанцы и всевозможная нечисть мощнейшим потоком хлынет в Казахстан... или как там его по-новому.

Оратор продолжал:

– *Больше не будет коррумпированных органов власти и тоталитарных запретов тирана Назарбаева! Больше не будет попрания прав личности как взрослых, так и детей! Больше никогда не будет ущемления прав нац- и секс-меньшинств! Наступает время полноценной демократии! Великое время!*

К трибуне подошел сурового вида пожилой человек в военном мундире с орлами.

Наблюдатель от ООН Кевин Майерс – услужливо высветилось на экране.

Щелчок пульта – телевизор отключился. Странно... Я знал, что это неизбежно, и я понимал, что так будет. Но единственное, о чем я не догадывался, – что будет так **обидно** смотреть это выступление. И не просто обидно, а противно, как будто в дерьмо мордой упал, а выбраться не можешь. Тупо.

А спустя полтора дня в Сарань вошли американцы.

Средней длины колонна, состоящая из пяти грузовиков и одного бронированного автобуса, вольготно проехала в центр города – к Дому культуры, возле которого располагался акимат.

Потом было долгое выступление, в ходе которого аким города показал, как он умеет вылизывать чужие задницы. А именно – задницы офицерского состава, который курировал в Сарани строительство перевалочной базы. Цитирую: «для переправки униженных и обездоленных детей, которые найдут в США свое счастье и начнут новую жизнь». Ну и, конечно, для защиты от подлых бандитов, которые должны рекой-водопадом переть к нам откуда только можно, хотя намек делался на Россию. Злые русские варвары – они ведь такие. Если идет мимо мечети или синагоги, то обязательно с собой бутылку с зажигательной смесью берет, по варварскому обычаю. Если видит девочку таджикскую, обязательно убьет – а то какой же он тогда варвар? А уж если видит, что соседу хорошо, то обязательно нападет. И трупами завалит, ибо по-другому не умеет. Ну варвары и варвары. Что с них взять?

Жизнь в городе круто изменилась.

Для начала на стенде, посвященном ВОВ, появился цветастый плакат, призывающий взрослых жителей города вступать в Организацию гражданской обороны (зарплата 500 долларов, полный медицинский пакет, право на ношение короткоствол). Лицам, прошедшим службу в армии или работавшим в силовых структурах, предлагалось вступать в Военные отряды (зарплата 3000 долларов, полный соцпакет, полный медпакет, право на проживание в «американской» зоне плюс уже упомянутый короткоствол). Конечно же, джедаям не пристало жить с казахским быдлом, поэтому теперь центр Сарани и несколько прилегающих к нему районов были отделены от всего города новомодной крепкой металлической сеткой. В этой зоне развернулась американская военная база и военный городок.

Все магазины были закрыты, а товары из них перевезены в американскую зону, после чего на выходе из нее открылись два торговых пункта. Один – для всех, имеющих отношение к американцам. Второй – для обычных людей. В первом торговали за деньги, во втором вместо денег использовались боны.

Боны были трех видов – на товары уровня 1 (продукты, алкоголь, сигареты, легкие медикаменты), уровня 2 (колюще-режущие предметы, предметы быта, медикаменты среднего уровня) и боны уровня 3 (горючие вещества, лакокрасочные изделия, ядохимикаты, медикаменты рецептурные).

Изменения постигли еще и наркоманов. Официально диагностированным наркотики выдавали бесплатно, в спецточках. По европейской системе опиатникам выдавались две дозы метадона в сутки. Марихуанщикам – «медицинская» марихуана.

Конечно же, город начало лихорадить – новая метла по-новому метет. Начался какой-то замут с новыми документами. Спустя некоторое время знакомая почтальонша принесла повестку, предназначавшуюся уже мне. Если описывать вкратце, то мне надо было идти в новообразованный «Центр учета и контроля», который располагался в бывшем детском саду «Березка», в американской зоне. Пришлось одеться поцивильнее и оставить дома все средства самообороны. Уж в этом джедаям можно отдать должное – безопасность в своей зоне они поставили. Поэтому я вполне спокойно оставил дома все, что могло сойти за «незарегистрированное средство самообороны». Попасть в группу риска мне не хотелось.

Группа риска – это отдельная тема, в нее могли занести за все. За ношение средств самообороны без разрешения на то, за футболку с «антидемократической» и «террористической» символикой, за оскорбление важной шишки, за неправильную музыку (мотивировалось это излишне напряженной обстановкой, «сегодня ты играешь джаз, а завтра...»). Попавшего в группу риска имеют право обыскать в любой момент, задержать на сутки и в случае серьезного нарушения конфисковать его имущество, вплоть до недвижимости. Обыскать и задержать могут не только самого попавшего в эту группу, но и его близких друзей и знакомых.

Так или иначе, я вполне спокойно дошел до кордона, еще издали посверкивающего той самой сеткой.

Меня остановили:

– Stop! – Далее в мой адрес полилась мешанина английских слов, которые на слух я пока не очень хорошо воспринимал.

– Э-э-э... – я слегка замялся. – Сорри, ай э взри бэд андерстэнд инглиш.

– Shit... – пробормотал накачанный биндюг в светлой форме и снова зачавкал словами, но на этот раз уже в сторону кордона.

Из будки что-то пробурчали в ответ, оттуда выскочил очень худой парень в пиджаке, после чего охранник на КПП повторил свой вопрос. Парень начал переводить:

– С какой целью ты есть идти в эту зону?

– Да меня вызвали... вот... – Я достал из кармана извещение, доставленное мне почтальоншей.

– Покази. – Скрупулезно прочитав, переводчик что-то сказал охраннику и ушел назад в будку.

Охранник открыл шлагбаум и жестом указал мне – дескать, иди.

В детском саду, а ныне «Центре учета и контроля», была большая очередь из парней моего возраста. Я внимательно скользнул по ней глазами – никого из знакомых не было. Пришлось становиться в самый хвост.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.